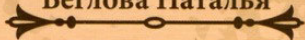

18+

Беглова Наталья

ПУТЕШЕСТВИЕ

В РАЙСКИЕ

КУЩИ

Наталья Беглова

Путешествие в райские кущи

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=71970544

ISBN 9785006706477

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. В Женеве умирает сотрудник международной организации. Вскоре становится ясно, что его убили. Главная героиня романа, Арина Родионова. Профессиональный журналист, она долгое время работала в Москве в газете «Следопыт» и занималась журналистскими расследованиями. Читатель не только следит за хитросплетениями захватывающей интриги, но и знакомится со многими интересными местами как в Женеве, так и в ее окрестностях.

Содержание

Глава первая. КРОКУСЫ	7
Глава вторая. ФОРЗИЦИИ	26
Глава третья. ГИАЦИНТЫ	64
Глава четвертая. САКУРА	94
Конец ознакомительного фрагмента.	112

Путешествие в райские кущи

Наталья Беглова

© Наталья Беглова, 2025

ISBN 978-5-0067-0647-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

DE CHOLET

*Je vous adresse un
bonjour et ces fleurs*

Georges Bissard, Editeur. Cholet.

Глава первая. КРОКУСЫ

Арина уже собиралась принимать душ перед сном, когда зазвонил телефон.

– Ты возьмешь трубку? – спросила она мужа.

– Возьми ты, я уже в кровати, – отозвался Олег.

Вздыхнув, Арина накинула халат и пошла в гостиную, где надрывался телефон. Звонила ее приятельница Вера.

– Вы что там уснули все? – накинулась она на Арину в типичной для нее несколько агрессивной манере. – Звоню, звоню, никто не подходит.

– Не спим, но собираемся.

– Ну вот, совсем швейцарцами заделались. После девяти звонить не могли. А в десять уже дрыхнете без задних ног. Но я не собираюсь с тобой дискуссии о швейцарских нравах разводить. Тут такое случилось, не поверишь! Ужас! В нашем спящем царстве —мордобой!

– Что значит мордобой?

– Вот! Дожили! Уже забыла, что такое хорошая русская драка!

– Если и забыла бы, то – слава богу. Но я просто не понимаю, что за драка? В Женеве?

– Я и говорю – в нашем сонном царстве, где же еще.

– И кто же подрался?

– Ты Васильцевых знаешь?

– Ну, так, слышала от тебя. Ведь вы, вроде, с Ритой общаетесь.

– Так вот, ее муж, Андрей, подрался с одним физиком из ЦЕРНа. Да так, что тот в больницу угодил. Вот Ритка мне и звонила, просила хороших врачей подключить, чтобы этого физика в норму привести. А то Абдуразаков – это фамилия физика – грозитя на Андрея в суд подать. Уже заявление в полицию подал. Ритка – в панике.

– Ее можно понять. А чего они не поделили?

– Вот это для всех загадка. Андрей жене ничего не объясняет. Представляешь, ситуация! Завтра надо будет в госпиталь ехать. Хочу узнать, как там этот Абдуразаков. Когда Андрей его в нокаут послал, он упал неудачно. У него рука в нескольких местах сломана. Нужно оперировать. Поговорю с врачами. А потом уж буду думать, к кому обратиться. Хорошего хирурга так быстро не заполучишь. К ним очередь за месяцы выстраивается.

Прошло недели три. Арина уже забыла о разговоре с подругой, когда как-то вечером Олег, вернувшись с работы, вдруг ошарашил ее неожиданным известием.

– Ты знаешь Андрея Васильцева?

– Это знакомый Веры. Вернее муж одной ее знакомой. По моему он физик, но работает в какой-то международной организации.

– Да, в Ассоциации поддержки инновационных проектов работает, вернее работал. Он умер.

– Как так? Ты не ошибаешься? Я знаю, что он с кем-то вроде подрался, но не он пострадал, а другой.

– Да, я тоже слышал об этой драке. Но умер именно он. На днях. Я сегодня завозил Сашу Белова в эту ассоциацию. Кстати, я его к нам на завтра пригласил, ты не против?

– Конечно, не против, но, подожди, почему умер Васильцев?

– Говорят от сердца.

– Странно все это. Ладно, я завтра Вере позвоню, все узнаю. Что-то здесь не так.

Вера позвонила на следующий день утром сама. Она подтвердила то, что Арина накануне узнала от мужа. Андрей Васильцев скончался. Вера узнала о несчастье, как ни странно, не от Риты Васильцевой, а от ее матери – Нины Александровны Фоминой. Фомина позвонила Вере и сказала, что у дочери в семье беда, умер муж. У него уже был инфаркт, и врачи считают, что умер он, скорее всего, от сердечной недостаточности. Нина Александровна объяснила Вере, что Рита в невменяемом состоянии и очень просила помочь дочери со всеми формальностями и бумагами. Сама Вера сегодня весь день занята с туристической группой – она владела небольшим туристическим бюро – вот она и хотела, чтобы Арина съездила в генконсульство и узнала в деталях каковы процедуры, и что нужно делать в подобной ситуации. Арина пообещала сегодня же съездить в генконсульство и все разузнать. Она надеялась, что на этом разговор закончен, и со-

биралась повесить трубку.

– Послушай, ты там не только про все формальности раз-
узнай, но и вообще... – Вера немного замялась, что было
очень для нее нетипично.

– Что вообще?

– Разузнай, что к чему, а то тут разговоры всякие идут.
Ты о драке помнишь?

– Помню, конечно.

– Некоторые считают, что смерть Васильцева – это резуль-
тат драки. Ведь дело даже не закрыто. Тогда Абдуразаков
на Васильцева в суд подал: за избиение. А теперь вот как по-
вернулось... Разные слухи ходят. Говорят, полиция этим де-
лом занимается. Следствие начато.

– Я не понимаю – при чем здесь я? Я обещаю съездить
в консульство и узнать все, что положено делать в случае
смерти человека за границей. Чего ты еще от меня хочешь?

– Хочу, чтобы ты помогла Рите.

– Как я могу ей помочь? – Ты мне дурочку не валяй. Чем
я могу помочь? Не я же пять лет в газете вела рубрику «Пре-
ступление без наказания». Чего ты там только не расследо-
вала!

– Ты еще вспомни, что я в школе Шерлока Холмса изоб-
ражала.

– Ха-ха-ха, – рассмеялась Вера. – А я Ватсона. Вот была
потеха. Ну что делать, когда мальчишек в этот театральных
кружок калачом не заманишь. Но ты, моя милая подружка,

Арина Родионовна, всегда обожала эту детективщину.

Фамилия Арины была Родионова. Родители – большие поклонники великого русского поэта – не удержались и дали дочери имя в пандан к фамилии, – как немного в нос, на французский манер, – говорила мама. А папа уточнял для непонимающих: «Имя у нашей дочери под стать фамилии». Арина Родионова. Такое сочетание не могло не вызывать в памяти даже самых не успевавших по литературе знаменитых пушкинских стихотворений, обращенных к няне. В школе Арина с этим именем намучилась. Остряки изощрались в остроумии, переиначивая известные строфы. Самыми безобидными вариантами обращения к ней было: «Здравствуй, сдобная ватрушка бедной юности моей!» – в детстве Арина была не то чтобы полной, но и не худой, – или «Привет, подружка дряхлая моя!» Остальные были похуже. Она с нетерпением ожидала замужества – с твердым намерением поменять фамилию. Но когда влюбилась, выяснилось, что у ее избранника фамилия весьма неблагозвучная для русского уха – Немчук. Если бы лишь окончание «чук» – хотя оно тоже не самое приятное для русского уха. Во всяком случае, все эти Шевчук, Зайчук ухо Арины резали. Но при этом еще и Немчук. Так и слышится: «Ух ты, немчура проклятая!» Арина в течение нескольких недель подвергала претендента на свою руку более критическому анализу, дабы найти в нем качества, позволяющие разлюбить его. Но не нашла. По всему выходило, что претендент весьма достойный.

Поэтому предложение его руки было принято, а вот фамилия отвергнута за ненадобностью. Арина осталась Родионовой. О первой части своего решения она никогда впоследствии не жалела. Жених, приобретший статус мужа, продолжал радовать ее своими достоинствами вот уже больше двадцати лет. Что касается второй части... Со временем ко всему привыкаешь. Вот и Арина привыкла к тому, что восемьдесят процентов людей, с которыми она впервые оказывалась в компании за столом, после нескольких рюмок, начинали завывать, обращаясь к ней:

«Выпьем, добрая подружка
Бедной юности моей,
Выпьем с горя; где же кружка?
Сердцу будет веселей!»

А те, кто не декламировал эти строфы при первом застолье, рано или поздно при общении с ней неизбежно цитировали что-то из пушкинских стихотворений, посвященных няне. Арина все же надеялась встретить такого человека, который этого никогда не сделает.

– Хватит Пушкина увечить, – возмутилась Арина. – За столько лет могло бы уже надоест. А потом, ничего я не обожала. В отличие от тебя я даже детективами особо не увлекалась. Учтите, товарищ Бабариха, если не прекратите, я тоже вспомню нашего великого поэта!

До замужества фамилия Веры была Боброва. Мало ко-

го в школе называют по именам, чаще всего используется несколько исковерканный вариант имени или фамилии. Во всяком случае, так было во времена, когда Арина и Вера ходили в школу. Смирнову называли Смирниха, Вербицкую величали Вербой. То же произошло и с Верой, сначала ее прозвали Бобрихой. Вера и вправду была похожа на трудолюбивого, деловитого обитателя речных просторов не только характером, но и некоторыми деталями внешности. Она была небольшого роста, крепенькая, с темными волосами. К тому же, в то время специальные аппараты для выравнивания зубов были недоступны большинству советских детей, и ее передние зубы росли так, как им было предназначено генетическим кодом, выдаваясь немного вперед. Поэтому два верхних зуба были видны не только в улыбке, а улыбалась и хохотала Вера часто, но даже тогда, когда она держала рот чуть приоткрытым.

Поскольку Вера дружила с Ариной, то после того, как большинство даже не очень успевающих одноклассников, а именно такие чаще всего и любят раздавать направо налево обидные прозвища, освоило «Сказку о царе Салтане», ее довольно безобидное прозвище Бобриха было преобразовано в Бабариху. И также неизбежно, как в случае с Ариной вспоминалась бедная старушка, припоминались другие пушкинские строки:

«А ткачиха с поварихой,

С сватьей бабой Бабарихой, ...»

Продолжения обычно не следовало. Вера, в отличие от Арины, отличалась воинственностью и недюжинной силой, она и в детстве была весьма упитанным ребенком. На одноклассника обрушивались удары тем, что в данный момент оказалось под рукой – портфелем, мешком со сменной обувью, учебником. Поэтому чаще всего обидчик удирал во весь дух, так и не сообщив всему свету в лице их класса, каким образом он решил исковеркать пушкинские строфы.

– Милая подружка – это свободная интерпретация. А, склонность к пинкертонизму имеет место быть. Недаром же в эту газету поперлась! Как ее?

– «Следопыт».

– Вот-вот.

– А где мне было еще работать? Ты же прекрасно помнишь, как у меня все сложилось. Не оставаться же в Кисловодске, в районной газете, куда я после института по распределению попала. Единственное, что мне тамошнее начальство доверяло в первый год – это письма трудящихся читать и писать на них ответы. А на второй год поручили заметки о вреде алкоголя писать. Как раз горбачевская антиалкогольная компания была в разгаре. Я удивляюсь, как я тогда сама от тоски не запила! В Москву вернулась в девяносто первом – смутное время. В газетах, в журналах, да везде – народ

как будто с цепи сорвался; если не поливаешь всех и вся помоями – ты не журналист! Помню, зашла как-то к приятелю, тоже журналисту. Неделю на работе не был, депрессия. Время уже двенадцать, он в постели и вставать отказывается. Я и так, и этак. А он мне говорит: «Принеси газету и прочитай мне все заголовки на первой странице. Если будет хоть один, внушающий оптимизм, встану, оденусь и пойду на работу!»

Потом Олега направили в Дакку, где мы три года и просидели. Я, конечно, писала оттуда – на радио посылала материалы, в «РИА Новости», но фриланс тогда еще не развит был. К тому же Бангладеш вообще никому не была нужна. Хорошо, хоть я не побоялась Настю в Дакке родить. А когда в девяносто пятом в Москву вернулись, мне сильно повезло. Кому я нужна была практически без опыта? А газету «Следопыт» основал серьезный журналист. Он меня еще по университету помнил.

– Я не поняла, почему он так назвал газету? – прервала ее Вера. – В советские времена в школах были кружки следопытов. Я в такой ходила. Так мы занимались тем, что собирали материалы об истории района и города.

– Если бы ты не поленилась и открыла словарь Ожегова, то увидела бы, что изначальное значение слова «следопыт» – это охотник, идущий по следу зверя.

– Ладно ехидничать.

– Я вообще не понимаю, чего я тебе все это рассказываю? Ты же прекрасно все помнишь!

– Естественно, потому и говорю: посмотри, что можно сделать. Я же не призываю тебя в детективы перековаться. Но опыт-то у тебя есть. Знаешь, откуда ноги растут. А теперь ты у нас еще и психологом заделалась!

– Издеваешься!

– Привет! А кто на женевском факультете психологии три года проучился?

– Я пошла туда, чтобы время даром не терять! И потом для журналиста – это не лишнее, лучше разбираться в человеческой психике. Но факультет не закончила и диплом не получила!

– А кому последнее время я своих богатеньких дамочек посылаю нервы успокаивать? К тебе!

Сильно разрослась колония «новых русских», на левом берегу Женевы. Вера, жившая в Коллонж-Бельрив¹, знала там многих. Сначала у одной из ее приятельниц, которую бросил муж, случилась нешуточная депрессия, и Арина сумела помочь ей, потом у другой знакомой начались неприятности с сыном оболтусом, и Арина смогла кое-что сделать и в этой ситуации. Короче, слухом земля полнится, и постепенно у Арины сформировался круг русских клиентов. Но их было не так уж много. Да и проблемы были примерно одного плана. Потерянность женщин, не знающих, куда себя приткнуть и чем себя занять, когда не надо зарабатывать на жизнь. Ожесточенность подростков, не желающих учиться-

¹ Collonge-Bellerive – фешенебельный район на левом берегу Женевского озера.

ся и заниматься чем—либо серьезным вообще. А зачем, если папаша обеспечил не только их, но еще и их внуков. Опустошенность мужчин, вкалывавших долго и упорно, чтобы заработать миллион, а заимев их сотни и тысячи, не понимающих, что с ними делать и ради чего нужно и дальше жить и трудиться.

– Может, кому-то я и помогла, но это не делает меня психологом!

– Ну, и наконец, у тебя связи имеются

– Ты что? Какие у меня связи? В швейцарских органах что ли?

– Зачем в швейцарских. Ты в наших здешних сначала пошуруй. Узнай хоть, что там на самом деле происходит. Вас же с Олегом наше миссионерское начальство за своих держит. Сама говорила, что твой муженек и посол – дружки.

– Вовсе не дружки, а знакомые. И причем здесь посол! – прервала разошедшуюся подругу Арина. – Посол здесь не причем. Скорее консул может что-то знать.

– Вот, вот... Все, договорились! Действуй!

Вера произнесла это слово не вопросительно, а утвердительно. Ясно было, что для нее разговор закончен.

После разговора с подругой, Арина посидела несколько минут в раздумье, но потом все-таки набрала номер российского генерального консульства. Ответил дежурный комендант. Арина, назвавшись, попросила соединить ее с генеральным консулом. Вместо Сергея ответила его секретарь

и сказала, что Сергея Анатольевича сейчас в консульстве нет, он будет после обеда.

«Так, придется звонить по мобильному». Арина не очень любила это делать. Человек мог быть на заседании, на встрече и, если это так, то всегда возникает напряженность. В такой ситуации труднее разговаривать. Но ждать до второй половины дня ей не хотелось. Она надеялась уже сегодня получить хоть какую-то дополнительную информацию.

– Слушаю, – Сергей ответил сразу.

– Сергей, привет, это Арина. Ты занят?

– Сiju тут на одной конференции, но сейчас перерыв.

А что?

– Мы не могли бы с тобой сегодня встретиться?

– В чем дело? Проблемы?

– Не у меня. Мне надо поговорить насчет Васильцевых.

– А при чем здесь ты? – даже по телефону чувствовалось, как Сергей напрягся.

– Я не при чем, но это в любом случае не телефонный разговор.

– Хорошо, подъезжай к одиннадцати в консульство, объяснишь, зачем тебе все это понадобилось. Пока.

В трубке раздались короткие гудки.

«Да, сложно будет здесь работать, – подумала Арина. – Это тебе не расследование в Москве. Там, конечно, тоже без энтузиазма встречают людей из газеты. Но хотя бы понятно, зачем они пришли и почему задают вопросы. А здесь я кто?»

Никто. Правильно он спросил: при чем здесь ты? Не при чем. Не пришей кобыле хвост – как говаривал папа. Но я это все знала наперед. Чего удивляться? Нечего было лезть! Но Вере разве откажешь! Главное попробую что-то узнать, а потом скажу, что я все равно ничего не могу сделать. Надо ехать, уже половина одиннадцатого».

Арина быстро оделась и поехала в Женеву. От французского городка Дивона до Женевы, когда нет пробок, езды минут пятнадцать. Машин на автостраде в это время было немного, а нужная ей улица находилась в районе, расположенном в пяти минутах езды от автострады, соединяющей Дивон и Женеву.

Подъехав к улице Шоб, на которой находилось российское генеральное консульство, Арина потратила почти полчаса, чтобы найти место, где оставить машину. Она так давно не была на Сервете, что забыла, как в этом районе сложно оставить машину.

Арина влетела в генконсульство тяжело дыша. Дежурный сразу же провел ее в кабинет Сергея.

– Ну, здравствуй, чего так запыхалась?

Сергей поднялся, вышел ей навстречу, помог снять плащ. Как истинный джентльмен, он даже не упомянул о том, что она опоздала на полчаса.

– Совершенно забыла, что здесь у вас машину невозможно запарковать, – извинилась Арина.

– Сервет всегда этим отличался, – поддержал ее Сергей.

– Я знаю, мы же жили здесь, когда Олег в миссию приехал работать. Он уже тогда по часу крутился, чтобы место вечером найти. А ведь это было лет пятнадцать назад.

– С тех пор машин меньше не стало. Извини, у меня через полчаса встреча предстоит. Так что давай, выкладывай, что тебе нужно.

– Я бы хотела знать, что произошло у Васильцевых? – приступила к делу Арина.

– А почему тебя это волнует? Ты кто им – кум, сват или брат? – пошутил Сергей.

– Нет, никто. Но я знаю Риту Васильцеву, – дабы не усложнять, Арина не стала уточнять, что на самом деле не она приятельница Васильевой. – Рита очень переживает. Тем более, там была драка, говорят, полиция разбирается...

– Послушай, Арина, почему я должен тебе что-то объяснять? Конечно, мы с твоим мужем приятели, но из этого не следует, что ты можешь вмешиваться в мои служебные дела. Тем более, что и дела никакого, я думаю, не будет. Васильцеву стало плохо на работе и его отвезли в больницу. Поскольку лет пять назад у него уже был инфаркт, то решили, что это второй. Но, как ты знаешь, был скандал с дракой. Поэтому в больнице решили сделать вскрытие – хотят исключить, что смерть могла произойти в результате повреждения каких-то органов во время драки. С Абдуразакова даже взяли подписку о невыезде. Но пока вроде ничего тако-

го не обнаружили. Так что, скорее всего, Васильцева сердце подвело.

– А что есть уже результат вскрытия?

– Мне, во всяком случае, еще ничего неизвестно. Когда надо будет, сообщат. Швейцарцы – народ пунктуальный. Я сам звонить и что-то выяснять не собираюсь. А тем более вмешиваться в их дела. Один раз довмешивался до того, что и сейчас стыдно вспомнить.

– Это как же так?

– Это еще в мою первую командировку произошло. В начале девяностых. Время было – сама знаешь, какое. Здесь тоже все бродило, народ от рук отбился, всякое случалось. Но такого ЧП еще не было. Несколько пограничников – ну ты знаешь, они в миссии на воротах сидят, охраняют, – решили подзаработать. Надо сказать, что зарплаты у них, конечно, позорные, но это их не оправдывает. Тем более, что занялись они прямым воровством. Вскрывали машины и вынимали оттуда приемники. А потом переправляли их с автобусом в Москву. Ты же знаешь, у нас регулярно миссионерский автобус курсирует между Женевой и Москвой. Уж не знаю – много ли они на этом, с позволения сказать, бизнесе заработали, но машин они повскрывали достаточно. В один далеко не прекрасный для них день их накрыли. Кто-то из бдительных швейцарцев засек из окна, когда они машины чистили, и позвонил в полицию. У них это стукачество в крови. Полиция тут же приехала и взяла наших в оборот. Но они пар-

ни, сама понимаешь, тренированные. Так что не полиция их скрутила, а они полицию. Двоих полицейских уложили так, не сильно, но отключили на время, а сами в бега. Их второй патруль перехватил – они и его нейтрализовали. Долго за ними охотились. Чуть ли не целое полицейское подразделение подключили. В итоге, поймали, конечно. Мне, естественно, утром об этом стало известно. Пограницы из полиции звонили в миссию, просили помощи. Поехал я, как положено, утром в полицию. Начальник этого участка мне излагал, чем они занимались. Я и так, я и этак. Мол, напраслина все это. Не могут наши доблестные воины воровством заниматься. Поклеп это. Разошелся, в раж вошел. А этот начальник мне так ласково заявляет: «Не спешите с заявлениями, месье консул, а то как бы не пришлось потом вашему начальству вас дезавуировать. В машине, которую бросили, как вы выражаетесь, доблестные воины, нашли несколько ворованных приемников. Так что улики – налицо». Я не знал, куда от стыда деваться. Но шеф этого участка оказался мужиком неплохим, а для швейцарцев уникальным. После того, как я извинился и собирался уже откланяться, он вдруг и заявляет: «Забирайте своих доблестных вояк. Мне бы таких полицейских, как ваши пограничники. В городе тогда идеальный порядок можно было установить!» Я даже оторопел, решил, что не понял его и переспросил. А он объясняет: «Да они же человек десять уложили, пока их смогли задержать. А уж от скольких убежали – я не знаю, те не призна-

ются. Таких орлов в тюрьму сажать – у меня рука не поднимается. А вы их все равно в Москву после этого инцидента отправите. А это, как я догадываюсь, для них наказание почище тюрьмы».

– Да, редкий попался тебе шеф полиции, – согласилась Арина, – здесь даже простые швейцарцы такие законопослушные – аж противно. И стучать любят, ты прав. Я как-то к приятельнице приехала, машину поставила во дворе. Мне подруга специально сказала номер места парковки ее соседки – та уехала отдыхать, и место было свободным. Вышла через два часа, а машины нет. Уволокли! Кто-то позвонил в полицию и сказал, что чужая машина заняла не свое место. Представляешь! Пришлось специальной службе за увоз машины платить и еще штраф за парковку на неподобающем месте.

– Да, у них этих добровольных стражей порядка, – пруд пруди, – подтвердил Сергей. Так что я лезть никуда не собираюсь и тебе не советую. Швецы не любят, когда в их дела нос суют. Впрочем, никто не любит. А тем более, ты здесь никто. Если что, я, естественно, тебя защищать не стану.

Сергей встал, давая понять, что разговор закончен.

Арина зашла в общий отдел, узнала все, что нужно делать для репатриации тела в Россию, взяла нужные бланки и вышла на улицу. Вернее, во двор виллы. Здание Российского генерального консульства располагалось в старом ничем особо не примечательном здании. Да и все здания на этой

улице были старые и ничем не замечательные. Пожалуй, кроме одного: почти во всех дворах вилл до сих пор цвели крокусы – белые, желтые, сиреневые. Кое-где еще доцветали подснежники. Это было удивительно: почти везде эти цветы давно уже отцвели. А здесь, в этих темных, засаженных высокими деревьями садиках, будто разноцветный серпантин разбросали по земле. Пока Арина шла к машине и любовалась на крокусы и подснежники, настроение, подпорченное встречей с генконсулом, несколько улучшилось, и она решила, что не все так плохо. Если она и не узнала ничего нового, то, возможно, и узнавать – нечего. Умер Андрей Васильцев от того, что сдало подорванное инфарктом сердце – и все тут.

Heureux
Anniversaire

Глава вторая. ФОРЗИЦИИ

Прошло два дня. Вера позвонила, как всегда, на ночь глядя. Правда, на этот раз она не тараторила, а говорила медленно, но Арине все-таки показалось, что она ослышалась.

– Я что-то не поняла, значит все-таки не инфаркт? А от чего же он умер? – переспросила она.

– Я же говорю, полиция подозревает, что Васильцева убили, – почти по слогам произнесла Вера.

– Не может быть! – ахнула Арина. – С чего ты взяла? Кто его мог убить?

– Послушай, я не собираюсь с тобой по телефону дискутировать. Давай завтра утром подъеду и все расскажу, – остановила ее Вера. – Жди меня в девять, заодно и позавтракаем вместе. Ты уж купи в своей булочной те круассаны с абрикосами, которые я люблю. Все, спокночи.

И Вера повесила трубку.

«Ничего себе спокойной ночи», – думала Арина, возвращаясь в ванную. – «Убийство? Здесь, в Женеве. Странно...»

– Кто это звонил? Что-то случилось? – спросил Олег, когда Арина пришла в спальню.

– Веруня звонила, – ответила Арина, – какая-то непонятная история. Вроде бы, Васильцева убили.

– Убит? Здесь, в нашей сонной Женеве? Чушь какая-то.

– Я тоже так думаю, – отозвалась Арина. Завтра Вера при-

едет, объяснит, с чего такие разговоры.

– Хорошо, давай спать, у меня завтра встречи с утра. День тяжелый, – сказал Олег поворачиваясь на бок и по обыкновению перетягивая на себя почти все одеяло. – Ариша, только если там что не так, ты уж, пожалуйста, не лезь, не берись за старое. Я тебя очень прошу, – добавил он, выключая свет.

Вера приехала ровно в девять. Что-что, а уж точность она любила. Но, впрочем, она и не смогла бы работать в туристическом бизнесе, если бы не обладала этим качеством. Погода была чудная – после нескольких холодных недель, вдруг резко потеплело. Подруги расположились на большой террасе.

– Так почему решили, что он не просто умер? Ты же вчера ничего не объяснила, – Арина сразу же приступила к делу.

– Позавчера, когда ты мне передала анкеты – те, что ты в генконсульстве взяла – я подъехала к Рите Васильцевой – надо было их заполнить, она же языка толком не знает.

– Как не знает языка? Они же здесь уж лет двадцать живут, – еще больше удивилась Арина.

– Да, но умудрилась до сих пор язык не выучить. Тефтеля. В общем, я приехала и узнала: вскрытие сделали и что-то там такое нашли. В больнице Риту предупредили, что они известили полицию.

– Вот полиция и выяснит, в чем дело. Может это ошибка.

– Вряд ли. Вчера Риту уже вызывали к следователю и вежливо так расспрашивали, какие у них в семье отношения бы-

ли, и прочее в таком же духе.

– В чем ее подозревают? Что Рита говорит?

– Ритка ничего не говорит, она ревет. Она в шоке. Но она с сыном ходила, он у нее за переводчика. Так вот, Николай мне объяснил. Андрей пил разные лекарства – после инфаркта им обязательно надо пить для разжижения крови и от давления – у кого давление высокое. Так вот, ему подмешивали в еду что-то прямо противопоказанное при приеме этих лекарств. Есть лекарства, которые нельзя принимать при определенных заболеваниях.

– А не мог ему врач выписать это лекарство?

– Думаю, полиция проверяла. Но я лично сомневаюсь. Здесь врачи, прежде чем выписать что-то, тысячу раз спросят обо всех лекарствах, которые ты принимаешь. Я это точно знаю, наслушалась, когда с клиентами по врачам ходила.

– Ну и при чем здесь Рита? Я все-таки не очень понимаю. Какие у них основания ее подозревать?

– Я же говорю, ему долго что-то подмешивали, несколько месяцев. Естественно, первое, что приходит в голову, это делали дома. Кроме того, они выяснили, что Рита – фармаколог по образованию.

– Ах да, она, по-моему, даже нам в миссии как-то лекцию о швейцарских фармацевтических фирмах и о лекарствах читала, – вспомнила Арина. – Но откуда это швейцарцам знать?

– Да она и не скрывала никогда. А потом поначалу, ко-

гда у нее еще мозги жиром не заплыли, она хотела устроиться на работу по специальности: искала, заявления подавала. Фармакологи хорошие на дороге не валяются. Но совсем без языка ее никуда не брали. Ведь при собеседовании сразу становилось ясно, что у нее французский – никакой. Ей однажды кадровик, к которому она пришла на собеседование, так и сказал: «Мадам, я с удовольствием возьму на работу. Только не вас, а того человека, который помог вам *curriculum vitae* подготовить». А это я ей резюме написала. Она тогда язык начала учить, а потом уж все забросила.

– Послушай, она российская гражданка и ей помогут. Она в консульство обращалась?

– Естественно. Но проблема в том, что они все швейцарцы хреновы.

– Кто швейцарцы – удивилась Арина. – Консульские?

– Ну ты, мать, даешь! У тебя тоже мозги жиром заплывать начали? – завопила Вера. – Это просто какая-то зараза, а не страна. Здесь все тупеют. А я еще на тебя надеюсь. Не консульские, а Васильцевы швейцарцы. Они уже давно все гражданство получили. На свою голову! Кстати, наверняка, когда Рита анкеты заполняла для получения гражданства, она и написала о своем образовании.

– В общем, тебе не отвертеться, ты должна Васильцевой помочь. Не швейцарские же придурки будут этим заниматься. Все, давай кофе пить. Я голодная, как зверь. Эти страсти—мордасти мне еще аппетита прибавляют! Да, чуть

не забыла. На, тут записан телефон Риты. Я ее предупредила, что ты будешь звонить и поможешь разобраться.

В этом была вся Вера: даже еще до разговора с подругой, она была уверена в его исходе. Возмущаться было бесполезно. Арина пошла за кофе и сдобой.

– Это на нас двоих или на меня одну? – алчно поглядывая на корзиночку с круассанами, спросила Вера.

– На двоих, конечно. Неужели ты это все смогла бы одна съесть.

– Без проблем! А как же это ты вдруг сдобу будешь есть? Сегодня же понедельник, а ты себе позволяешь ею лакомиться лишь по пятницам?

Арина не только следила за фигурой, но и была приверженцем здорового питания и не раз говорила подруге, что любая сдоба наносит вред организму.

– Чего не сделаешь, ради дружбы! Принесу себя в жертву, лишь бы тебе меньше досталось, – и Арина решительно взяла из корзинки не слишком поджаренное, как она и любила, и очень аппетитное на вид изделие булочной «Люсьен», известной далеко за пределами их городка. – А потом понедельник – день тяжелый. А сегодняшний – тем более. Так что надо его подсластить.

– Знатная у вас в Дивоне² булочная, – сказала Вера, доедая третий круассан с абрикосом, в то время как Арина смако-

² Дивон-ле-Бен (*Divonne-les-Bains*) – французский городок на границе со Швейцарией.

вала лишь первый.

Вера была далека от новомодных тенденций, предписывающих женщинам до старости сохранять юношескую стройность фигуры. Ее и в молодости нельзя было назвать худышкой, а к пятидесяти она еще более округлилась, и смотрелась матроной на фоне худощавой Арины.

– Ты, я смотрю, все фигуру бережешь, все фистулишь на светских раутах, – не удержалась она от комментария. – А я по приемам не хожу и мне плевать, сколько у меня там лишних килограммов. Знаешь, насмотрелась я в этих клиниках на наших бабенок, которые душу дьяволу продадут – не то что швейцарским врачам – лишь бы молодо выглядеть. Просидишь целый день с такой мадам на всех этих консультациях у терапевтов, диетологов, косметологов, пластических хирургов, спортивных тренеров – к вечеру от всего этого воротит. Хочется все с точностью до наоборот – жрать, спать и не дрыгаться. А вообще я тоже на режиме.

– Ты?!

– Да. Знаешь, на дверях некоторых магазинов вывески бьются: «24 x 7». Так и у меня.

– Ты соблюдаешь диету двадцать четыре часа семь дней в неделю? Что за чушь!

– Не угадала! Я сижу на диете двадцать четыре минуты в неделю семь дней в месяц. Вот! – и Вера расхохоталась, довольная своей шутке. – Ну ладно, про Васильцеву мы с тобой договорились, а теперь надо и нашими делами заняться.

После того, как Вера обосновалась в Женеве, первым бизнесом, которым она занялась, был медицинский туризм. Она организовывала лечение в швейцарских клиниках для тех русских, которые могли себе это позволить.

Заботиться о здоровье русской элиты она продолжает и по сей день, но недавно у нее возникли опасения, что этот источник ее дохода может тоже иссякнуть.

Вера, естественно, не тот человек, чтобы дожидаться пока медицинский туризм окончательно исчерпает себя. Возможно, и не исчерпает никогда. Всегда найдутся люди, верящие больше иноземным врачам, чем своим собственным. Высказывание о том, что в своем отечестве нет пророков остается столь же актуальным, как и ленинский тезис о том, что государством может управлять кухарка.

Но Вере, в любом случае, не сиделось на месте. Не так давно ее посетила, как она считает, очередная гениальная идея. Вот как она повествовала об этом.

«Была я намерении в Лаве-ле-Бен³. Мой псих, как всегда, по горам шастает, а я в ваннах тем временем прогреваюсь. А что? Не говорить же «прохлаждаюсь», когда сидишь в горячей воде под 40 градусов. Топлю жиры, одним словом. А потом, черт меня дернул, отправиться в комнату, которую они завели недавно. Раньше – выходишь из ванн и идешь, как нормальный человек, в комнате отдыха в шезлонгах по-

³ *Lavey-les-Bains* – деревня в Швейцарии, в кантоне Во, где расположены горячие лечебные источники.

лежать или, скажем, в сауну топаешь. А теперь есть еще одно помещение – там на двери белый полярный медведь нарисован. Знаешь? Нет? Вот и я не знала и решила полюбопытствовать. Оказалось, они там льда накидали – и ты можешь по нему побегать, как придурок. Я оттуда, естественно, тут же смоталась, устроилась замечательно в шезлонге.

И вот тут-то меня и осенило. Народу голого на этом дурацком северном аттракционе было немало. Ясно, что кому-то этот идиотизм по вкусу. И так везде. На вкус и цвет товарищей, как нам указывает народная мудрость, нет. А в нашем туристическом деле? Мало еще, грубо говоря, диверсификации. Нет, я не прибедняюсь. Есть у нас, конечно, отдельные, как говорится, достижения. Но нужно работать и дальше в этом направлении. Хочет кто-то на леднике жопу морозить? Подай ему тур по швейцарским ледникам. А кто-то хочет посетить места, где жил нами глубоко уважаемый и почитаемый вождь всех времен и народов. А подать ему *voyage*⁴ по ленинским местам Женева. Короче, Вера решила заняться тематическим туризмом. И просила Арину подумать на эту тему.

– Тематический туризм уже давно существует: все эти туры в пустыни, поездки в джунгли Амазонки и прочее в том же духе. Автомобильный и велосипедный туризм. Вот даже космический туризм уже появился. Что же это как не тематический туризм? – Арине идея подруги показалась

⁴ Путешествие (фр. яз.)

не очень оригинальной.

– Это виды туризма. А нужна тематика. Вот, например, последнее время во Франции, да и здесь стал очень популярны поездки по основным местам производства вин. Специалисты предсказывают, что через десять лет тематические поездки станут основным видом туризма.

– Ну и что же ты предлагаешь конкретно? – поинтересовалась Арина.

– А это тебе придумывать. Я идею подкинула. А ты поддай ее конкретное воплощение. Ты же у нас теоретик. Кто диссертацию по информационной ориентации социальных групп защищал? Вот и пошевели своим серым веществом как нам эти самые группы сюда заманить.

Арина задумалась.

– А что если сделать тур по ленинским местам, например? Ты сама сейчас предложила. У многих ностальгия развилась по старым временам. И не только среди неимущих. Среди среднего класса тоже. Это ведь не только поездка в Женеву, но и в Цюрих. А потом Владимир Ильич был большим любителем пеших прогулок. Он все женевские берега пешком исколесил.

– Да он и горы основательно прочесал, – подхватила Вера. – Когда Иосиф Виссарионович деньги в партийную кассу подбросил, ограбив пару банков, то Владимир Ильич с Надеждой Константиновной по самым шикарным швейцарским курортам начали ездить. Иногда и Арманд с собой при-

хватывали. Чтобы не скучать. Надо будет только уточнить, где они конкретно были, и туда тоже группы возить. Ай да я! Молодец! Вот уже одна идея неплохая, – похвалила сама себя Вера.

– Хорошая идея, – поддержала подругу Арина. – Но только надо к каждому туру делать небольшие брошюры. В такие поездки поедут люди образованные, к тому же мир, а возможно и Швейцарию, повидавшие. Им сухих фактов – здесь жил, здесь был – недостаточно, нужен рассказ, фактура, настроение что ли.

– Ты права, – согласилась Вера. – Тебе и карты в руки. Напиши что-то подходящее.

– Это называется – всякая инициатива наказуема. Да ладно, сделаю. Мне и самой интересно. А то уж надоело ездить по одним и тем же маршрутам с твоими туристами.

– Но сейчас главное – это Васильцевы. Ты давай, не откладывай. Начинай действовать. Да и мне пора. Засиделась я с тобой, – сказала Вера, поднимаясь.

– А ты не хочешь прогуляться вокруг озера? Смотри, погода замечательная. Давай пройдемся кружок, – стала уговаривать подругу Арина.

– Слушайте, что вы сговорились что ли? Муженек все цепляется – пойдем гулять да пойдем! А теперь еще ты! Будто не знаешь, я этого не терплю. Да и тебе нечего гулять. И так кожа да кости! Съесть что ли еще один круассан на дорогу?

– Это я худая, а не ты. Прекрати. Слоеное тесто – самое

вредное, из всего, чего не стоит есть. Там одно масло. Сама же рассказывала: на лекции в Женолье⁵ людям, перенесшим инфаркт, именно так говорили.

– Самое вредное оно и самое вкусное, – отпарировала Вера. – Уговорила, не буду. Все, я уехала. Давай и ты занимайся делом.

Подруги вышли из дома. Вера чмокнула Арину в щеку и пошла к большущему черному Лэнд Роверу, стоявшему у ворот.

– Новый, что ли? – спросила Арина.

– Да мой вездеход забарахлил, – ответила, с трудом залезая на высокую подножку машины Вера, – взяла мужнину. Он у меня в отъезде. Фу, черт, высоченный какой, – добавила она. – Ну, пока. Позвони, как только что-то узнаешь.

Вера уехала. Арина пошла в гостиную, взяла мобильный телефон и вышла вновь на веранду. «Ну что же, надо звонить Рите Васильцевой, – решила она. Раз обещала, нечего тянуть». Она набрала нужный номер. В трубке послышались длинные гудки, но никто не подходил. Подождав некоторое время, Арина повесила трубку. «Так, что еще можно сегодня сделать? Надо еще раз поговорить со Смирновым, он, наверняка уже знает какие-то детали.

К ее удивлению Сергей, хоть и без особого энтузиазма,

⁵ *Genolier* (фр.) – клиника сердечно—сосудистых заболеваний недалеко от Женевы, имеющая мировую известность.

но согласился встретиться с ней после обеда, в три часа. Арина решила выехать пораньше, чтобы по дороге еще заскочить в магазин и купить что-то к ужину.

Выехав на автостраду, Арина была разочарована. Дорога была обсажена с обеих сторон кустами форзиции. Эти же кусты растут и посередине, на разделительной полосе. С конца марта и до середины апреля форзиция, иногда ее также называют форсайтия, цветет. На абсолютно голых ветках распускаются в огромном количестве небольшие желтые цветочки. Такое впечатление, будто кто-то нарвал много, много мимозы и расставил ее букеты вдоль дорог, в парках, в садах. Въезжая на автостраду, вы оказываетесь в своеобразном золотом туннеле. Когда цветы опадают, на их месте появляются зеленые листочки. И вот сегодня Арина констатировала, что буквально за несколько дней дорога изменила цвет – из желтой стала зеленой. И лишь кое-где в этой зелени еще оставались вкрапления желтого. Желтый цвет в России – это цвет осени, а в Швейцарии, скорее весны и лета. Сначала цветет форзиция, на смену ей приходит золотистый рапис, а в июне-июле в пейзаже доминируют поля подсолнечника.

– Да..., – задумчиво произнес Сергей, когда она оказалась в кабинете генконсула, – И надо же такому случиться сейчас. Мне всего полгода осталось здесь доработать. Все было чин чинном, а тут такое дело. Убийство. На фиг мне это нужно! Мне после Женевы хорошую должность в министерстве обещали. А теперь будет Женева во всех сводках склонять-

ся. А начальству только дай повод тебе не дать, – грустно пошутил он. – Скажут, вот чего-то там у тебя в Женеве жены мужей травят. Нехорошо, недосмотрел. Все понимают, естественно, что я не виноват, но такие разговоры всегда только в минус, а не в плюс.

– Ты уверен, что убили?

– Да, как раз сегодня утром мне подтвердили официально, что возбуждено дело об убийстве Андрея Васильцева. Полиция получила результаты вскрытия. Вернее, результаты были получены несколько дней назад. Но они посылали их в еще одну лабораторию – в Лозанну. Она специализируется на лекарственных отравлениях, что-то вроде того. В общем, приговор окончательный и обжалованию не подлежит – Товарища Андрея долго травили, – усмехнулся он.

– Чем?

– Уверены в одном: на протяжении длительного времени Васильцеву давали лекарство, которое и привело к смертельному исходу.

– Лекарство? Странно... А какое? – удивилась Арина.

– Какой мне был смысл выяснять? Я не собираюсь вмешиваться в расследование. Если Васильцева собирается нанять адвоката, то он сможет все узнать.

– Сергей, а ты знаешь Васильцевых?

– Практически нет. Встречал, конечно, Андрея. И недавно, когда они с Абдуразаковым драку устроили, пришлось их из полиции выручать. Они ведь тогда в полицию угодили.

– Кстати, почему они подрались?

– Оба отказались объяснять. Но французы – не дураки, говорят, *cherchez la femme*, – усмехнулся Сергей. – Васильцев еще тот ходок был. Он здесь по слухам не одну бабу тр..., Извини, я хотел сказать, как говорят, у него были похождения. Может, они с Абдуразаковым *la femme* и не поделили?

– А кто последняя пассия Васильцева? – заинтересовалась Арина.

– Ну, я точно не знаю, – Сергей задумался на минуту, – но я его несколько раз видел с Еленой Соколовой. В лесу, в Босси, они все гуляли, в обнимочку. А я там собаку летом выгуливал. Вот и встречались.

– Елена Соколова? Она откуда?

– Здесь работает, в Европейской экономической комиссии. Энергичная такая бабенка. В ООН не так много случаев, когда женщина из ассистентки – здесь все политкорректные, слово секретарша не употребляют – переходит в профессиональную категорию.

– Ты можешь дать координаты этой Соколовой?

– Вот, возьми телефонный справочник ооновский. Там есть ее рабочий телефон.

– Послушай, Сергей, у меня к тебе последняя просьба. Ты ведь в полиции имеешь контакт. Я помню, ты Олегу как-то рассказывал.

– Когда это я рассказывал? – сделал удивленное лицо Сергей.

– Не притворяйся, когда у наших друзей – Валуевых – квартиру ограбили, и полиция долго ничего не предпринимала. Олег тебе звонил тогда, и ты через какого-то человека помог дело с мертвой точки сдвинуть. Организуй мне с ним встречу. Пожалуйста! – Арина умоляюще посмотрела на Сергея.

– Господи, с тобой только свяжись. Во-первых, этот человек не из полиции, а из прокуратуры. Во-вторых, он вовсе не мой человек, как ты выражаешься. Мне пришлось с ним несколько раз встречаться, по делу Бородина.

– Это когда же было?

– В январе 2001 года. Я всю эту историю хорошо помню, нанервничался тогда, не приведи бог еще такое пережить. Из Москвы мне чуть не каждые полчаса звонили.

– А что собственно произошло?

– По требованию Швейцарии Бородина задержали в Нью—Йорке и отправили в Женеву. А здесь из аэропорта его прямым ходом сопроводили в тюрьму Шан—Доллон.

– И в чем его обвиняли?

– Он проходил по делу «Мабетекс». Утверждали, что через эту компанию было похищено чуть ли не шестьдесят миллионов долларов. По контрактам на реставрацию Кремля. А Бородин был управляющим делами президента.

– Кремлевский завхоз, – вставила Арина.

– Во, во. Ну и, якобы, он получил около тридцати миллионов «комиссионных».

– Ничего себе! – поразилась Арина. – И что же дальше?

– Как всегда – много шума из ничего! Наши, естественно, сотрудничать со швейцарцами отказались. Те пошумели, пошумели – и отпустили под залог, конечно. Обвинение в участии в преступной организации с него снято, но обвинения в коррупции остаются в силе. Только срать он хотел на эти обвинения. Ты уж извини, за выражение, но я бы еще и не так сказал, коли не ты бы здесь сидела, а мужик.

– Так ничем это для него и не кончилось?

– Почему же? Очень даже хорошо кончилось. Он в том же году получил Орден Почета от Президента Приднестровской Молдавской Республики. Видно родное-то правительство постеснялось в тот же год его отблагодарить за верную службу. Но через несколько лет ему все-таки вручили Почетную грамоту российского правительства. А еще и Орден Дружбы народов от Белоруссии за укрепление белорусско-российских отношений. Он ведь много лет был еще и государственным секретарем Союза России и Белоруссии. Вот так-то.

– И что этот швейцарец из прокуратуры? Он в этом деле участвовал? – спросила Арина.

– Нет, он для этого мелкая сошка. Там вел дело генеральный прокурор Дево. Он тогда еще на побегушках был. Но я через него связь с прокуратурой держал. И у нас с ним установились хорошие отношения. Доверительные. С тех пор я ему, когда могу, помогаю, ну и он мне небольшие услуги ока-

зывает. Ничего экстраординарного, все строго в рамках закона. Ты это учти.

– Да я и не прошу ничего такого, – запротестовала Арина. – Я же понимаю. Мне бы только познакомиться с ним и поговорить.

– Хорошо, но это последнее, что я для тебя сделаю. Тебе палец дай, так ты норовишь всю руку оттяпать, – скрывая за шуткой раздражение, ответил Сергей.

– Обещаю, больше на твои пальцы зариться не буду.

– Запиши его телефон, а я ему сам после твоего ухода позвоню, предупрежу.

– Слушай, а нельзя сейчас ему позвонить? – умоляюще спросила Арина. – Я бы тогда могла сегодня к нему и подъехать. Чего время терять?

– Так, опять за свое, – раздраженно ответил Смирнов. – Но, тем не менее, он все-таки набрал нужный номер.

– *Bonjour M. Bonnard, comment allez-vous? Bien, très bien. Il y a une jolie dame qui aimera beaucoup vous voir. Elle va vous expliquer elle-même. J'espère que vous pourriez l'aider. Moi je serai, comme toujours, très reconnaissant. Quand est-ce qu'elle pourra venir? Maintenant? Et ou? Très bien. A bientôt et bonne journée!*

– Тебе повезло, он готов с тобой встретиться. Но не сегодня, а завтра во время обеда, в двенадцать часов. Он предложил ресторан «Вье Пор»⁶, в Версуа⁷. Осторожный, bestия.

⁶ «Vieux Port» (фр.) – «Старый порт» – название ресторана.

Не хочет в Женеве светиться.

– А как я его узнаю? – уточнила Арина.

– Он будет сидеть за столиком на двоих у самого окна и читать газету «Трибюн де Женев»⁸. Как слышала, я ничего не объяснял и ничего не спрашивал, – добавил Смирнов.

– Еще не факт, что он в курсе, хотя теперь он занимает в прокуратуре важный пост. В общем, действуй и главное, держи меня в курсе.

– Естественно, о чем речь! – Арина была так рада неожиданному повороту дела, что была готова пообещать что угодно. – Если что узнаю, сразу позвоню. Огромное спасибо еще раз. Я побежала, хорошо?

– Иди, иди, – уже более добродушно ответил Смирнов. – И Олегу привет.

– Я понимаю, не обязан. Но ведь ты заинтересован, чтобы дело побыстрее раскрыли. Тогда, глядишь, к твоему приезду о нем и позабудут. А швейцарцы известные канительщики. Тебе не надо объяснять... Вдруг мне удастся разобраться, что случилось? Я лавров не ищу. Если сумею что-то сделать, то обещаю, я здесь буду ни при чем. Идет? – спросила Арина с надеждой.

– Ну хорошо, – не очень охотно, но согласился Сергей. – Только смотри, поаккуратней.

⁷ *Versoix* – небольшой городок недалеко от Женевы.

⁸ «*Tribune de Geneve*» – Ежедневная газета Женевы.

Выйдя из генконсульства, Арина решила еще раз набрать телефон Васильцевых. Долго никто не подходил, но когда она уже собиралась дать отбой, трубку на том конце сняли.

– Але-е, – голос был протяжный и немного детский.

– Здравствуйте! Попросите, пожалуйста, к телефону Риту Васильцеву.

– Дааа, я слушаю, – опять, как будто нараспев, ответила собеседница.

– Здравствуйте еще раз, я – Арина Родионова. Меня попросила Вам позвонить Вера...

– Ах да, – Арине даже не удалось закончить фразу. – Вера мне сказала, что вы подъедете.

– А вы сейчас будете дома? – уточнила Арина.

– Я всегда дома, – как-то странно ответила женщина.

– Хорошо, тогда дайте мне ваш адрес, и я приеду, если вы не возражаете, – предложила Арина.

– Конечно, записывайте: улица Моис-Дюбуль⁹, там около торгового центра, слева, большой такой дом...

– Это не напротив кладбища? – перебила ее Арина.

– Да, да. Вы знаете?

– Я сейчас подъеду, – сказала Арина.

Ехать до района Пти-Саконе, где находился дом Васильцевых, было совсем недолго.

Арина никогда не любила этот район Женевы, впрочем, как и все другие, расположенные на правом берегу. У них

⁹ *Moise-Duboule* – улица Женевы в районе Пти-Саконэ (Petit-Saconnex)

не было своего лица, они были лишены какого—либо очарования, Эти районы напоминали ей резервацию. В шесть часов, когда заканчивали работу посольства и международные организации, почти весь правый берег Женевы вымирает. Женеву и так не назовешь городом, в котором жизнь по вечерам бьет ключом. Здесь до сих пор во многом царит кальвинистский дух. Даже в центре города с заходом солнца жизнь затихает. Но в старом городе и районах левого берега все-таки продолжается какая-то жизнь. Там есть магазины, которые хотя бы раз в неделю открыты до восьми часов. Имеются неплохие рестораны и кафе, дискотеки и бары. А правый берег выглядит так, будто там действует комендантский час и люди просто боятся высовывать нос на улицу. Исключение – район Паки, находящийся около железнодорожного вокзала. Но туда тоже не каждый захочет пойти. Это «горячий» район Женевы. Здесь находится небезызвестная улица Берн, где разрешено предлагать свои услуги не очень многочисленному отряду официально зарегистрированных жевевских служительниц секса.

Когда Арина позвонила в дверь квартиры Васильцевых, долго не открывали. Она уже собиралась еще раз нажать на звонок, но тут, наконец, послышался щелчок, открывающейся задвижки.

– Здравствуйте, заходите, пожалуйста, – приветствовал ее уже знакомый голос. Перед ней стояла высокая и очень полная женщина. Лица она разглядеть не могла, так как в холле

было довольно темно. Они прошли в большую гостиную.

– Садитесь, пожалуйста, куда хотите, – сказала женщина. – Может быть, кофе или чаю выпьете? – ее голос звучал доброжелательно и очень спокойно, но в нем была какая-то странная монотонность. Как будто говорил не человек, находящийся перед вами, а вы слушали голос, записанный на пленку, и этот голос произносил заученный текст.

– С удовольствием, кофе, если можно, – ответила Арина. Она не так уж хотела кофе, но ей нужно было осмотреться и сориентироваться в обстановке.

Рита вышла. Гостиная, в которой сидела Арина, многое могла рассказать о хозяевах. Все было очень добротное, но несколько тяжеловесное. Вещи говорили не столько о дороговизне, сколько о качестве и удобстве. Хотя за такое качество и удобство платят немалые деньги. В убранстве комнаты начисто отсутствовало изящество и элегантность. «Интересно, это вкус хозяйки или хозяина?» – подумала Арина. В комнате было сумрачно. Тяжелые шторы на окне были задернуты. Арина поняла почему, когда она вышла на балкон. Вид, который открывался оттуда, мог бы считаться неплохим – в дымке просматривались озеро и горы, но прямо под окнами, через дорогу находилось кладбище. Конечно, швейцарское кладбище – зеленый газон, кусты цветов и небольшие мраморные плиты – не производит такого угнетающего впечатления, как наше, но, тем не менее, выходить часто на такой балкон удовольствие малень-

кое. «Интересно, они здесь снимают квартиру или купили? Если бы не кладбище, то в таком доме любая квартира стоила бы очень и очень немало. В любом случае, невзирая на не очень симпатичное соседство, при нынешних ценах, сильно за миллион», – подумала она.

В этот момент вернулась Рита, неся на подносе кофейник, вазочку с печеньем и две чашки.

– Я не выхожу туда, – заметила она, когда увидела Арину, возвращающуюся с балкона. – Но зато Андрюша ее купил недорого. – Шторы плотные повесили и все нормально, ничего не видно.

Пока она расставляла это на журнальном столике, Арина сумела, наконец, рассмотреть ее. Серые волосы, бледная обвислая кожа и болезненная полнота – все это не могло молодить. Но если к этому добавить потухший взгляд и какой-то безжизненный голос – то создавалось впечатление, что перед вами сидит старуха. На самом деле Васильцевой было немногим больше пятидесяти. «Это она сейчас сдала или давно уже так выглядит?» – подумала Арина.

– Вера сказала, что вы мне поможете, – это был не вопрос, это была констатация факта.

– Вы знаете, Рита, я не очень представляю, как это сделать. Вера вам что-то наобещала, а я не только не обладаю необходимыми полномочиями, но и не имею опыта следственной работы.

Еще по дороге к Васильцевым Арина решила сначала по-

пробовать объяснить Рите, что она не может ничем ей помочь.

– Но Вера сказала, что вы занимались расследованиями, – вяло возразила женщина.

– Вера выдает желаемое за действительное. Тот факт, что я занималась журналистскими расследованиями, не делает из меня следователя. Единственное, чем я могу вам помочь – это подыскать хорошего адвоката и присутствовать на ваших встречах с ним.

– Я не хочу адвоката. Зачем мне адвокат? Я не убивала никого. Это какое-то недоразумение, – все так же без эмоций, на одной ноте проговорила Рита.

– Адвокат все равно необходим. Даже если вы не виноваты, – попыталась объяснить Арина. – Здесь так положено. Если против вас будет возбуждено дело, вам нужен адвокат.

– У меня денег нет, все деньги у Андрюши... – совсем тихо произнесла Рита и вдруг как-то беззвучно заплакала. – Боже, что же теперь будет? Как я буду жить без него? Нет, это невозможно..., – сквозь слезы бормотала она.

– Подождите, как же нет денег? У вас же есть счет в банке?

– Наверное, – неуверенно ответила Рита.

– А банковская карточка?

– Нет, у меня никогда не было.

– Как не было? – не поверила Арина. – Вам что Андрей не сделал карточку?

– А зачем мне карточка? – тоже как будто удивилась Ри-

та. – Я никуда не выхожу одна, да и зачем? – с удивлением спросила Васильцева.

– Ну, одежду себе купить или в кафе с подругой?

– Вы знаете, последние годы у меня еще и со здоровьем неважно. Радикулит замучил. Так что мне ходить трудно, – оправдываясь, ответила женщина. – Мне ничего не надо. Даже ту одежду, что есть, носить некуда. А подруг у меня почти не осталось. По телефону разве с кем поговоришь. Вот только Вера иногда заезжала. Мы ведь давно знакомы. Наши матери дружат.

– А продукты кто же покупал? – все еще недоумевала Арина.

– Продукты тоже Андрюшенька покупал. Или мы вместе в магазин ездили.

– Ну а когда он уезжал куда-то, в командировку, например?

– Тогда он оставлял мне деньги, сколько нужно... Последнее время сын давал, он же работать начал, – ответила Рита и опять заплакала.

– А где он? – спросила Арина. – Не могла бы я с ним поговорить?

– Николай еще на работе. Он поздно приходит.

– А когда я смогу с ним увидеться?

– Коля возвращается после восьми, часов в девять. А вы, значит, будете мне помогать? – робко поинтересовалась Рита.

– Дайте мне подумать, – нерешительно ответила Арина. – Я поговорю кое с кем, с сыном вашим встречу – тогда и решу. К сожалению, сегодня я занята, но если он сможет завтра часов в семь быть дома, то я приеду.

– Ой, ну конечно! – в голосе Васильцевой послышалась надежда. – Я скажу ему, чтобы он завтра пораньше пришел.

– Хорошо, договорились, я позвоню вам завтра после обеда, – сказала Арина, поднимаясь.

Попрощавшись с Васильцевой, Арина вышла на улицу, ругая себя за то, что по сути уже пообещала заняться этим делом. «А все Верка, вечно она меня в истории впутывает! И в школе так было, и в институте!» – с раздражением подумала она. «Но я тоже хороша! Только слезы потекли, так и размякла!»

От Васильцевых Арина направилась в торговый центр, находившийся неподалеку, нужно было купить продукты на ужин. По дороге набрала телефон подруги.

– Привет! Ты где? – Сразу спросила Вера.

– Была у Васильцевой, иду в магазин, – ответила Арина.

– Послушай, я тут недалеко, сейчас подскочу, – сразу предложила Вера.

– Хорошо, давай через полчаса. Знаешь, на площади «*Café du soleil*»?

– Естественно знаю. Жди меня там.

Ждать Арине не пришлось.

– А вот и я, – услышала она, едва устроившись за столиком

в небольшом дворике. – Ты чего будешь? Кофе?

– Да, хотя он здесь и отвратительный, – ответила Арина. – В Женеве нигде не найдешь хороший кофе.

– Как ты повидалась с Ритой? – прервала ее Вера

– Она что всегда была такой? – вопросом на вопрос ответила Арина.

– Какой такой? – не поняла Вера.

– Ну, никакой, неживой, мертвой, что ли.

– А..., вот ты о чем, – задумалась Вера. – Я не знаю. Мы в молодости, может, пару раз и виделись. Вроде она была нормальная, как все.

– А что же произошло?

– Подожди, подожди... Ты мне сначала скажи, ты считаешь, она могла убить?

– Не думаю. Понимаешь, это совершенно сломленный человек. И не только смертью мужа и обвинениями на нее свалившимися. Не слабый – слабый как раз очень даже может убить.

– Ты абсолютно уверена? – еще раз переспросила Вера.

– Разве можно быть в чем—то уверенным, когда речь идет о незнакомом человеке? – задумчиво произнесла Арина. – Я и в отношении себя никогда ни в чем не зарекаюсь. Терпеть не могу, когда люди заявляют: «Со мной такого не может произойти!»

– Но это просто глупо, – согласилась Вера. – Недаром говорят: от тюрьмы и от сумы не зарекайся!

– Нет, это все-таки большинство людей понимает. Никто ни от чего не застрахован. Но я не об этом, не об обстоятельствах жизни. Я о том, что человек может совершить такое, чего он от себя не ожидал. Как хорошее, так и плохое.

– Ты хочешь сказать, что даже порядочный человек может убить, солгать, украсть и тому подобное?

– Да, именно это.

– Не знаю, – подумав, сказала Вера. – Мне кажется, что я, например, никогда не смогу украсть, а уж тем более, убить человека.

– Никогда не говори никогда. Иногда так повернутся обстоятельства, что ты совершишь поступок, который еще пару недель назад казался неприемлемым. Поверь мне, я такое видела и не один раз.

– Значит, это уже было в человеке заложено и дожидалось своего часа, – Вера не собиралась сдаваться без боя.

– Слушай, ты всегда была отчаянной спорщицей. Это я про тебя точно знаю. Давай все-таки о деле. Что за человек был муж Васильцевой? Ты его знаешь, вернее, знала?

– Почти нет. Мы же не общались семьями. Да они вообще мало с кем общались. Это я от ее матери знаю. Она моей жаловалась, что у них друзей нет, Андрей не любит компаний. Насколько я понимаю, Рита мужа боготворила, все делала, как он хотел.

– Да, это чувствуется, – согласилась Арина.

– А он был человеком сильным, волевым. Очень и очень

не глупым, потрясающе информированным, но ужасно категоричным. Только его мнение правильное и единственно возможное. Совершенно не терпел возражений, даже от чужих людей. А уж, думаю, от близких – тем более. Повторяю, я с ним встречалась всего два-три раза, но было совершенно очевидно, что в этой семье он все решает, ни жена, ни сын пикнуть не смеют.

– А как он к жене относился?

– Внешне все было чрезвычайно прилично, он был человеком очень воспитанным, выдержанным. Рита тоже мне ничего такого не говорила. Но я слышала, что он был страшный бабник. Нина Александровна маме жаловалась. Помню, когда мы еще в Москве жили, она как-то маме моей говорит: «Бросит он ее все равно. Рано или поздно, но бросит!» Знаешь, она человек с юмором. Как-то говорит маме: «Мой зять – из породы динозавров». Мама не поняла: «Почему это?». А Нина Александровна отвечает: «Я уверена, в один прекрасный день он неожиданно исчезнет без следа!» Да вот видишь, ошиблась, – подвела итог Вера.

– Ну а чего ему было ее бросать, если она его устраивала?

– Действительно, – согласилась Вера, – он что хотел, то и делал, а она продолжала ему в рот смотреть и на него молиться. В наше время таких жен с огнем поискать.

– Ты считаешь, что она так его любила? – с сомнением произнесла Арина. – А может, Васильцеву тоже устраивала эта ситуация. Она уже привыкла ничего не делать и без него

ей бы трудно пришлось. Вполне возможно в молодости она что-то из себя представляла. Мне кажется, она человек очень даже неглупый. Но он ее развратил, все делал сам. Я думаю, у них был достигнут своеобразный статус-кво: она не мешала ему, а он за это обеспечивал ей безбедную жизнь.

– Может быть, – согласилась Вера.

– Мне даже кажется, что она несколько играет в беззащитность. Во всяком случае, преувеличивает ее. Это стало оружием. Как бросишь такую беспомощную особу?

– Интересно... Мне тоже иногда казалось, что есть перебор...

– Но в любом случае, ей не с руки было его убивать, – подвела итог Арина.

– Ну а что дальше? Как ты будешь действовать?

– Понятия не имею. Завтра встречаюсь с одним человеком по рекомендации Смирнова. Но торопиться пока нечего – официально Васильцеву ни в чем не обвинили. Глядишь, еще все обойдется.

– Может быть, – с сомнением в голосе ответила Вера. – Но у меня нехорошие предчувствия, а ты знаешь, что мои предчувствия меня редко обманывают. Послушай, а не мог его тот физик уделать? Ну, с которым они подрались?

– Абдуразаков?

– Вот-вот. Не случайно же они подрались, значит, что-то не поделили.

– Но ему долго что-то давали, какое-то лекарство. Это

и генконсул подтвердил. Как же Абдуразаков мог это сделать?

– Ну я не знаю... Он часто в Ассоциации бывал. А потом это ты у нас следопыт, а не я. Вот ты и думай.

Когда Арина приехала домой, Олег уже был дома и сидел в гостиной с банкой пива и бутербродом. Увидев жену, он посмотрел на нее внимательно и без улыбки, пробурчал что-то похожее на «Привет!» и вновь уткнулся в журнал.

– Ой, Олеженька, такая пробка на автостраде, ужас! Ты подожди, я сейчас быстро мясо поджарю, я в магазин ездила.

– Знаем мы эти магазины, – не отрываясь от журнала, процедил Олег.

– Ну да, я еще с Верой немного потрепалась, надо было кое-что обсудить. Не сердись, пожалуйста, сейчас ты у меня будешь накормлен, напоен и убажен, – Арина подошла к мужу и ласково обняла его, присев на ручку кресла.

Ладно, ладно, подлизываться, ты знаешь, что я не за это сержусь, – чуть отстраняясь, сказал Олег.

– А за что же? – Арина, придерживаясь выбранного образа, сделала большие недоуменные глаза.

– Рин, не придуривайся, тебе это вовсе не идет, – Олег явно не закончил выяснение отношений. – Я вижу, ты собираешься взяться за старое.

– С чего ты решил?

– Слушай, давай не будем в прятки играть. Сергей мне уже доложил, что ты к нему на свидание аж два раза заявлялась.

Мне все ясно.

– Ах, вот почему ты сердишься! Да я еще ничего не решила. Вера попросила помочь.

– При чем здесь она?

– Рита – дочь приятельницы ее матери. Старая женщина, очень переживает. Я должна помочь Васильцевой. Она мужа не убивала!

– Это откуда же такое убеждение? – иронично поинтересовался муж. – Пять минут с человеком пообщалась и уже все про него поняла.

– Во-первых, не пять. А во-вторых, там и пяти бы хватило, – решительно ответила Арина. – У этой женщины совершенно сломлена воля. К тому же она полностью, понимаешь, на сто процентов зависела от мужа. Такое в наше время даже трудно вообразить. Она без него – шагу ступить не сможет. Надеюсь, хоть сын у нее самостоятельный и будет ею заниматься. Иначе ее просто надо в дом для престарелых сдавать. Или еще куда-то. Я не знаю... Так что она не могла убить! И кто-то должен это доказать! – твердо закончила свой монолог Арина.

– Ишь ты, какая жалостливая стала, – усмехнулся Олег. – Если тебе надо куда-то жалость свою приложить, только скажи, я тебя вмиг устрою в какую-нибудь благотворительную организацию. Да и у нас в Красном Кресте добровольцы всегда нужны.

– Так, еще не хватало, чтобы я со всеми этими занудами,

которым от скуки девать себя некуда, стала организовывать благотворительные базары.

– Во-первых, не все они занудные, а во-вторых, ничего в этом зазорного нет. Ты знаешь, сколько тот же базар в ООН за один день собирает! Несколько лет потом на эти деньги в какой-нибудь стране людей или учат, или кормят, или образование дают. Так что ты свой снобизм брось.

– А ты брось мне нотации читать! – возмутилась Арина. – Я не против благотворительности. Но это не мое! Понимаешь? Не мое! Ты меня моего лишил. Сижу здесь уже столько лет без настоящего дела.

– Но ты же с Верой работаешь? – несколько сбавил тон Олег. – Вроде тебе нравится.

– Слава богу, хоть это есть. Конечно, лучше, чем когда ты меня переводчицей пристроил. Ужас!

– До сих пор не могу понять, чего такого ужасного? Прекрасная работа. Не пыльная. Сидишь один в кабинете и спокойненько переводишь, – ответил Олег.

– Вот именно! Один как сыч! Переводишь черт знает что. Сначала были материалы по транспорту. Там такие технические дебри: миллионы нормативов, норм, правил, что сам черт голову сломит. Я по-русски ничего толком не понимала, не то, что по-английски. Но транспорт – это еще ничего. А когда меня посадили на комитет по пыткам, вот ужас! Переводишь целый день как людей пытаются: одному ведро на голову надели и палкой по голове били, другому прикрепили

электроды к половым органам, с третьим еще что-то похуже сделали. Потом ночью спать не можешь. Все эти кошмары снятся. И что еще обидно. Переведешь, намучаешься, тоже вроде как под пыткой побываешь, а благодарности никакой. Спасибо тебе никто не скажет. Журналист тот хоть за своей подписью материал дает. А переводчик – вроде невидимки. Никто о его авторстве не знает, не ведает.

– Хватит, все понятно. Если Вы, мадам, помните, я этим делом занимался, – оборвал ее Олег.

– Да, но всего год, а потом в МИД сбежал! – парировала Арина. – И вообще, я еще не кончила, – разошлась Арина. – Вот ты меня сюда привез, и я тебе должна быть благодарна. Как же! В Швейцарии столько лет живу. А мне здесь иногда просто выть от тоски хочется! И бежать отсюда. Ты забыл, какая у меня была работа интересная? Чего я здесь лишилась?

– Нет, не забыл.

– А с тех пор как Настя в Америку учиться уехала, совсем одиноко стало. А теперь, когда и Типи нет, мне дома так тоскливо, что хоть волком вой.

В семье Арины всегда держали собак. Когда они поженились с Олегом и уехали в Бангладеш, она не решилась завести там собаку. Жара, масса инфекций. К тому же вскоре родилась дочь. Стало не до собак. Вернувшись в Москву, она вышла на работу. Покупку собаки опять пришлось отложить. Зато когда они приехали в Женеву, то Арина сразу решила:

вот он, момент, наступил, наконец.

В то время они еще жили в Женеве в районе Гран-Саконе. Как-то в воскресенье они всей семьей гуляли в парке Шато де Пант неподалеку от ООН. Вдруг на тропинку им навстречу выскочила маленькая черненькая собачка. Она была какой-то совершенно неизвестной им породы. Но в тот момент они о породе не думали. Собачка, увидев их, застыла, подняла большие ушки, приподняла одну лапку и устояла на них взгляд из-под мохнатых кустистых бровей, почти заслонявших глаза-пуговики. Арина, Олег и Настя, как по команде, замерли на месте. Наверное, собачка решила, что они тоже сделали, как и положено при встрече четвероногих, стойку. Ритуал был выполнен, и можно было продолжать путь. Что она и сделала. А семейство Арины проводило ее долгим взглядом.

– Вы видели, какая у нее смешная мордочка? – первым опомнился Олег

– А борода? Вы заметили бороду? – подхватила Арина

– Хочу такую собаку! – решительно заявила Настя

– Так, остается совсем немного, – подвела итог Арина. – Узнать, что это за порода и выяснить, где можно купить такую собаку.

Но все оказалось не так просто. Породу они определили довольно быстро, заехали по дороге в муниципальную библиотеку, взяли иллюстрированную книгу о собаках и выяснили, что в парке навстречу им пробежал цвергшнауцер. Так

порода именовалась по-немецки. По-французски ее называли шнауцер «*nain*», что означало карликовый шнауцер.

Сложнее оказалось другое – купить такую собаку. В Швейцарии эту породу не очень жаловали. Зато очень любили в Германии, и поэтому сначала решили ехать туда. Потом удалось разыскать питомник в немецкой части Швейцарии, где тоже были цвергшнауцеры, но он находился тоже довольно далеко на границе с Германией. Но после долгих перипетий им все-таки удалось купить карликового шнауцера у одной испанской пары. Отсюда и несколько странное имя – Типи. Владельцы щенка, которого они сначала собирались оставить себе, объяснили, что щенок появился на свет последним, а в их местах младших называли «типи».

Испанское имя Типи очень легко превращалось по желанию в совершенно русское Типочка. Когда Арина сердилась то говорила: «Ну и Типка же ты!» Но сердиться на Типи можно было только в шутку. Никаких серьезных поводов для недовольства собой за все одиннадцать лет своей жизни она не дала никому из них. По-настоящему она расстроила их, когда заболела год назад, зимой.

У Типи нашли опухоль в легких. Собаки болеют теми же болезнями, что и люди: сердечные недуги, ревматизмы, онкология – ничто человеческое им не чуждо. Арина делала все, чтобы спасти Типи.

– Ты за мной никогда так не ухаживала, – однажды, обронил Олег.

– Во-первых, ты никогда так не болел и, дай бог, не заболеешь. А потом, за эти годы в Женеве я провела с Типи гораздо больше времени, чем с тобой и со Стасей. Ты на работе, она в школе, и только Типи всегда со мной.

Ничего не помогало. Весной Типи стало совсем плохо. Скрепя сердце, Арина повезла Типи к ветеринару. Она решила усыпить Типи до приезда дочери на пасхальные каникулы. Случилось это всего десять дней назад, и с тех пор находиться дома для Арины было мучительно. Квартира казалась пустынной, унылой и безрадостной.

– Хорошо, Ринусь, я не буду тебе мешать, – разжалобился Олег, тоже очень переживавший случившееся. – Но веди себя потише. Я не хочу опять нервничать, как в Москве. Когда ты работала в газете, то постоянно умудрялась ввязаться в какую-то историю. А я места себе не находил. Помнишь, как тебе пришлось две недели отсиживаться на даче Потапенко после твоего материала о мафии на наших рынках? А уж когда ты о нашей дорожной полиции статью написала, я вообще несколько недель не спал. Все боялся, что тебе аварию устроят.

– Уж ты скажешь... Ничего не произошло.

– Да, только почитай каждый день штрафовали. То тебя, то меня. На такую сумму нагрели, что в долг пришлось залезать. Я тебя прошу об одном: ты будешь рассказывать мне о своих действиях, советоваться. Все-таки я лучше тебя представляю, что здесь и как. Договорились?

– Конечно! – не задумываясь, согласилась Арина.

Подбежав к мужу, обняла его и принялась целовать, приговаривая:

– Ты мое чудо чудное, чудесенькое, расчудесное! Если бы не ты, уехала бы я давно из этого болота!

– Да, конечно, оно болото, – шутливо отбиваясь от жены, протянул Олег, – но какое уютное.

Bonne Fête

3014

polo

Глава третья. ГИАЦИНТЫ

Во вторник утром, проводив Олега, Арина занялась домашними делами, потом немного посидела над программой поездки, которую они обсуждали накануне с Верой. Когда посмотрела на часы, было уже половина двенадцатого.

Версуа, где была назначена встреча с месье Боннаром, небольшой городок на берегу озера, находящийся в пятнадцати минутах езды от Женевы. От Дивона ехать было не дальше. Дорога проходила через небольшие живописные швейцарские деревушки Фунэ, Таннэ, Ми. В последние годы из-за кризиса с жильем в Женеве многие, работающие в городе, селились именно здесь. Тут строились небольшие трех-, четырехэтажные дома, квартиры в которых были доступны для чиновников и международных работников средней руки. Те же, у кого водились деньги покрупнее, покупали здесь виллы.

Запарковав машину на набережной, Арина вошла в ресторан. Народу было много, но она сразу увидела одинокого мужчину, читавшего газету за столиком у окна. Когда она подошла, он встал и улыбнулся.

– Здравствуйте, вы месье Боннар, если не ошибаюсь? – поздоровалась Арина.

– Не ошибаетесь. И, как вижу, месье Смирнов тоже

не ошибался, когда говорил, что мне предстоит встреча с очаровательной женщиной, – улыбаясь, проговорил Боннар. – Прошу вас.

Он отодвинул ее стул, подождал, когда она сядет, и тоже сел. Возникла несколько напряженная пауза.

– Извините за несколько странный вопрос, вы швейцарец?

– Швейцарец, – ответил Боннар. – А почему вас это интересует?

– И по происхождению? – уточнила Арина.

– Нет, мои родители французы, – но в чем все-таки дело?

– Я так и думала, – сказала Арина. – Вы слишком галантны для чистокровного швейцарца.

– Ах, вот вы о чем! – расплылся в улыбке Боннар. – Поверьте, только общество симпатичных женщин делает меня таким любезным.

– Продолжайте в том же духе, – тоже улыбаясь, ответила Арина, – и тогда я не буду думать, что все швейцарские мужчины похожи на Кальвина.

Боннар расхохотался. В это время к ним подошел официант. Боннар заказал *filets de perches*¹⁰, которым славился этот ресторан. Арина еще не очень хотела есть и решила обойтись салатом.

– *Salade nicosoit*¹¹, – обращаясь к официанту, сказала она.

¹⁰ Филе де перш (фр.) – филе жареных окуней.

¹¹ Салат никосуа – неправильный французский.

– *Je n'ai pas compris, qu'est-ce que vous voulez?*¹² – переспросил официант.

– *Excusez-moi, salade niçoise*¹³, – поправилась Арина и, посмотрев на Боннара, объяснила.

– Я прекрасно знаю, что этот салат назван так, потому, что его родина Ницца¹⁴, но почему-то с самого начала обозвала его на свой лад и с тех пор не могу отвыкнуть.

– Да, жители Ниццы очень им гордятся, – улыбнулся Боннар. Но во многих других городах на побережье Средиземноморья издавна делали салат на основе тех же продуктов с небольшими вариациями – тунец, помидоры, вареные яйца, лук, оливки. А дальше, что ваша фантазия подскажет.

После того, как официант, приняв заказ, ушел, Арина решила перейти к тому, ради чего она и приехала на эту встречу.

– Месье Боннар, вы случайно не слышали о том, что произошло с неким месье Васильцевым?

– Не только слышал, но и предполагал, что именно об этом вы будете меня спрашивать.

– Почему? – искренне удивилась Арина.

– Вы уже не первый человек из русской колонии, который

¹² Я не понял, что вы желаете?

¹³ Извините, салат нисуаз.

¹⁴ Название города Ницца по-французски – Nice (произносится как Нис, отсюда и название салата)

за последние дни интересуется этим делом. А потом не каждый день в Женеве убивают русского гражданина, эта новость наделала шума и в полиции, и в прокуратуре.

– Вот вы сказали: «убийство», «это дело». Уже есть уверенность, в том, что это убийство? Уже возбуждено дело?

– Прежде чем вам ответить, позвольте поинтересоваться, почему вас это интересует? В каком качестве вы выступаете? Вы представляете официальные органы? —Боннар несколько напрягся.

– Нет, ни в коем случае, – поспешила успокоить его Арина. – Я выступаю абсолютно в личном качестве. В какой-то степени я представляю интересы вдовы, мадам Васильцевой. Я знаю ее лично и хочу оказать ей содействие, насколько это в моих силах.

– А что позволяет вам считать, что это в ваших силах? – поинтересовался ее собеседник, и от Арины не ускользнуло, что в его голосе прозвучала ирония.

– У меня есть некоторый опыт расследований, – Арина решила не вдаваться в детали.

– Но вы отдаете себе отчет в том, что вы не имеете права вмешиваться в дела полиции и прокуратуры? – в голосе Боннара прозвучали жесткие нотки.

– Естественно, я ни в коей мере не собираюсь вмешиваться в процесс ведения дела. Я просто хотела бы разобраться в том, что произошло. Не волнуйтесь, я не собираюсь играть роль Мегрэ в юбке.

– Вы знаете, кто такой Мегрэ? – с удивлением воскликнул Боннар.

– Конечно! Кто же не знает комиссара Мегрэ? Полноватый, неповоротливый и немного грубоватый комиссар с вечной трубкой во рту. Он совсем не элегантен и несколько не самодоволен. А именно таким почему-то многим представляется истинный парижанин. Наверное, поэтому он и вызывает симпатию. Книги Сименона очень популярны в России.

– А вы знаете, что Сименон жил в Швейцарии? – к Боннару явно вернулось прежнее хорошее расположение духа

– Нет, неужели?

– Да, начиная с 1957 года. Сначала он жил в замке под Лозанной. С женой Денизой и четырьмя детьми. Но жизнь в этом роскошном замке не задалась. Дениза спивалась, и Сименон нанял для ухода за ней сиделку. Потом Дениза попала в клинику для алкоголиков, а сиделка, ее звали Тереза, стала спутницей Сименона. Потом он жил еще в нескольких местах в Лозанне. Вы знаете, в общей сложности Сименон, за свою жизнь переезжал тридцать три раза!

«Сименон явно страдал «охотой к перемене мест», – подумала Арина. Но не стала говорить этого вслух, решив, что хорошо перевести на французский эту фразу она не сумеет.

– И где же он умер? Тоже в Швейцарии? – вместо этого спросила она.

– Да, в той же Лозанне. Последняя его квартира находи-

лась в восьмиэтажном доме на улице де ла Фигье¹⁵, номер 18. Дом старый, построенный еще в восемнадцатом веке. В нем он провел больше десяти лет. Это для него рекорд. Там он и умер в 1989 году.

– Надо же, не так давно! – удивилась Арина. А мне почему-то казалось, что Сименон жил бог знает когда! Интересно, надо будет туда съездить. Дом нетрудно найти?

– Найти нетрудно, но ехать не стоит.

– Почему? Там же, наверное, его квартира-музей?

– Нет.

– Странно, но хотя бы доска мемориальная есть?

– И доски нет. Кстати, уж если вешать доску, то не одну, а две. Удивительное совпадение, но в этом доме какое-то время жил и ваш Ленин. Так, наконец-то нам еду принесли, – добавил Боннар. – Давайте поедим, а то не люблю есть холодное.

Арина быстро съела салат, и пока Боннар смаковал своих окуней, разглядывала посетителей. Ресторан был не из дешевых, и публика была соответственной. В основном это были мужчины – дипломаты, пригласившие на ланч своих коллег из представительств других стран, и международные чиновники, приехавшие с коллегами перекусить, а заодно и обсудить деловые и не очень проблемы. Женщин, кроме Арины, больше не было. «Да, все говорят о равноправии, но воз и ныне там. Женщин на ответственных постах и в посольствах,

¹⁵ *Rue de la Figuers* (фр.)

и в международных организациях по-прежнему немного», – констатировала она.

– Итак, вы спрашивали, уверена ли полиция, в том, что произошло убийство, – обратился к ней Боннар, закончив есть. – Да, уверена. Результаты первой судебно-медицинской экспертизы были подтверждены второй лабораторией, чья репутация не оставляет почвы для сомнений.

– И что же показали результаты? – спросила Арина.

– Месье Васильцев в течение длительного времени принимал лекарство «Недиатор».

– А что это за лекарство?

– Это препарат, который используют в различных целях. В том числе при заболевании диабетом. Люди, страдающие диабетом, склонны к полноте.

– Да, это просто бич диабетиков, – подтвердила Арина. – И никто ничего не может сделать.

– Вот это лекарство как раз помогает. Оно резко уменьшает аппетит. Но несколько лет назад выяснилось, что препарат не безвреден, более того, он очень опасен для тех, то страдает сердечно-сосудистыми заболеваниями. Его прием может привести к ослаблению сердечных сосудов, а в итоге к разрыву аорты. Что и произошло в данном случае.

– А почему вы исключаете, что он сам пил это лекарство?

– Ему, перенесшему не так давно инфаркт и операцию на сердце, «Недиатор» противопоказан. Естественно, полиция связалась с его лечащим врачом, и тот подтвердил, что

никогда не выписывал месье Васильцеву это лекарство. К тому же в Швейцарии этот препарат недавно был запрещен к продаже.

– Ах да, теперь я вспомнила, – вмешалась Арина. – Из-за этого «Недиатора» разгорелся целый скандал. Я видела статьи в газетах и журналах. Погибло много людей, по-моему, во Франции.

– Подозревают, что это лекарство явилось причиной смерти нескольких тысяч человек. Это только предварительные данные. Еще нет данных по всем странам. Я думаю, что до тех пор пока «Недиатор» не запретили в Швейцарии, у нас тоже было немало смертей из-за него.

– Но почему полиция считает, что виновата мадам Васильцева?

– На это вопрос я вам ответить не могу, – сказал Боннар. – Начато расследование. Естественно, к мадам Васильцевой обратились с вопросами. Насколько я знаю, беседовали не только с ней. Я знаю одно: полиция исключительно внимательно отнеслась к этому делу. Никому не хочется попасть впросак, а особенно, когда дело касается иностранцев. Правда, он был швейцарским гражданином, это упрощает для нас дело. Все будет происходить в соответствии с нашим законодательством. Кстати, мадам Васильцева наняла адвоката?

– Не думаю.

– Могу порекомендовать отличного.

– Спасибо, надо будет поговорить с ней.

– Не тяните, я уверен, что ее вот-вот вызовут на допрос.

Боннар порывлся в бумажнике и протянул Арине карточку.

– Возьмите. Это хороший адвокат, к тому же он говорит по-русски. Вы меня извините, но мне пора. Работа... – и он вздохнул. – А иначе ни за что не оставил бы в одиночестве такую очаровательную поклонницу комиссара Мегрэ. Давайте сделаем так. Если вы узнаете что-то новое, то позвоните мне на мой мобильный телефон. Запишите его номер.

– Записала.

– Только ничего не объясняйте по телефону. Просто скажите, например, что неплохо было бы пообедать вместе. Я пойму и скажу вам когда. И встретимся в этом же ресторане.

– Вы что опасаетесь говорить даже по мобильному?

– Знаете, как говорят: «*On n'est jamais trop prudent!*»¹⁶

– У русских другое выражение: «береженого бог бережет».

– Абсолютно верно. Так что давайте поддерживать связь. Если у меня будут новости, я вам также позвоню и предложу встретиться. Мне кажется, что совместными усилиями мы сможем быстро разобраться в этом неприятном для всех происшествии. А то, чем дольше все это будет тянуться, тем больше никому не нужной огласки. Договорились?

Боннар поднялся из-за стола.

– Спасибо, месье Боннар. Я вам очень признательна

¹⁶ Лишняя осторожность не помешает (фр.)

за встречу. Обязательно свяжусь с вами, если что-то узнаю.

Вслед за Боннаром, Арина вышла на улицу. Они попрощались. Арина села в машину, доехала до Женевы и, остановилась на набережной. Она решила немного прогуляться. Ей лучше всего думалось во время прогулок.

Арина очень любила набережную Версуа. Она была маленькой, но уютной. К тому же здесь никогда не было народа. Озеро здесь уже было довольно широким. Когда, как сегодня, противоположный берег и горы на той стороне были затянуты легкой дымкой, казалось, что находишься на берегу моря. Арина вспомнила, какой она увидела эту набережную несколько лет назад.

Зима 2005 года выдалась удивительно холодной. А тут еще подул «бизз», мощный северный ветер, в течение нескольких дней волны перехлестывали через парапет. Когда она, с трудом преодолевая чудовищной силы ветер, вышла на набережную, то под стать платанам, из деревянных ставших ледяными, застыла от удивления. Под толстым слоем льда прятались скамейки, урны, столбы, провода. Даже машины, стоявшие вдоль тротуара в нескольких десятках метров от озера, оказались в ледяном плену. Это было подлинное царство льда. Драматичное и захватывающее зрелище. Сегодня набережная была совсем иной. Наполненной солнцем, ласкающим теплым ветерком и ощущением радости.

Впечатление того, что вы находитесь на море, еще уси-

ливалось, если вы выходили на пристань, выдававшуюся на несколько десятков метров в глубь озера. Арина прошла на пристань и остановилась на краю платформы, вдыхая воздух, пахнувший, совсем как на море: рыбой, водорослями, йодом, солью. Сегодня к этим запахам примешивался еще какой-то необычно сильный аромат. Арина сначала никак не могла понять, чем это пахнет. Потом поняла. В кадках ресторана, выходявшего на набережную, она увидела белые, синие, лиловые, сиреневые пирамиды цветущих гиацинтов. Ветер, дувший сегодня с суши, подхватывал этот сладко-пряный аромат и разносил его на десятки метров вокруг.

«Итак, что мы имеем? Все-таки убийство. Расследование начато. Ясно, что подозревают Риту Васильцеву. Почему ее не арестовали? Значит, кроме догадок улик нет. Рита очень полная и очень бледная. Нет ли у нее диабета? Надо поговорить с ней еще раз, она наверняка дома, но нужно все-таки предупредить, что я приеду».

Рита показалась ей еще более потерянной и несчастной, чем первый раз. Она явно была обрадована приезду Арины и смотрела на нее с такой надеждой, что Арине стало не по себе. Она заговорила быстро и резко, ей хотелось побыстрее покончить с неприятным долгом сказать правду.

– К сожалению, в том, что произошло убийство, сомнений у швейцарских властей нет. Дана санкция начать расследование и, судя по всему, вы – одна из подозреваемых.

Арина удержалась и не сказала «единственная». Зачем пугать и без того напуганного человека.

Рита, стоявшая рядом с Ариной, без сил опустилась на пол. Она не рухнула, не упала, а как-то удивительно мягко для такой крупной женщины, беззвучно осела на ковер. Арина кинулась к ней и попыталась помочь ей подняться. Но Рита остановила ее. «Не надо, сейчас, я сама». Посидев молча несколько минут, она оперлась на стоявший рядом стул, встала, сделала несколько шагов вперед и рухнула на диван.

– Извините меня, я сама не понимаю, что со мной происходит. Совсем ума лишилась. Вот вы позвонили, а я бог знает, что себе навоображала. Как будто вы сейчас приедете, и я узнаю, что Андрюша вовсе не умер, а жив и вообще все это дурной сон. А вы опять... Убийство...

– Это действительно дурной, только не сон, а... не знаю, как сказать. Ну, в общем, это суровая действительность.

Ей самой было неприятен тот набор банальностей, которые она из себя выдавливала. Эта беспомощная раздавленная женщина производила на нее такое тягостное впечатление, что она никак не могла найти правильный тон для общения с ней и подобрать нужные слова. «В этой женщине есть что-то противоестественное, как в умственно неполноценных людях. Видишь перед собой взрослого человека, а начинаешь разговаривать – и перед тобой дитя. Как изволите общаться с таким существом?»

– Рита, скажите, пожалуйста, вы не страдаете диабетом?

– Да, недавно поставили диагноз. Это у нас семейное. И мама моя болела, и бабушка.

– А вы не принимали «Недиатор»?

– А..., – протянула Рита. – Да, его выписывают, чтобы не набирать вес. Я его пила. Мне в Москве врач порекомендовал. Но потом оказалось, что лекарство не очень проверенное. Мама отсоветовала его принимать. Она же у меня врач. Мы как-то телевизор смотрели, Коля нам с мамой и переводил. Репортаж про это лекарство. Я ведь фармаколог, вы знаете? – она невесело улыбнулась. Когда-то очень даже неплохо разбиралась во всех этих вещах. Кое-что помню, конечно. Я Колю тогда успокоила, а то он волновался: перестала ли я его пить? Я ему объяснила, что оно опасно тем, у кого сердце слабое. Ой.. А почему вы спрашиваете про это лекарство?

– Именно его нашли в организме вашего мужа в количестве, значительно превышающем норму. Полиция полагает, что это явилось причиной разрыва аорты, и... последовала смерть, – Арина чувствовала, что слова из нее опять выдавливались такие, будто она писала протокол о результатах вскрытия.

– Но причем здесь я? – не громко, а тише, чем до этого спросила Рита. – Я это лекарство давно уже не принимаю. Ой! – она зажала рот рукой.

– В чем дело? – Арина испугалась, что женщине станет плохо, так она побледнела.

– Андрияша последнее время все жаловался на усталость, одышку. А в этом репортаже говорили именно о таких последствиях. Боже мой! Как же так!

Рита откинулась на спинку дивана, схватившись за сердце. Она так тяжело дышала, что Арина испугалась.

– Подождите, я принесу воды.

Она побежала на кухню и, вернувшись, подала женщине стакан.

– Вот, выпейте и успокойтесь ради бога.

Рита выпила воду и, повернувшись к Арине, вдруг спросила почти спокойно.

– Неужели они думают, что я могла отравить Андрея? Да я жить без него не могу! Да если бы не мать и не сын...

Арина не дала женщине закончить фразу.

– Я уверена, что вы так не думаете! – она специально сказала это резко, надеясь переключить внимание Риты на себя.

– Много вы понимаете! Вы считаете, что я притворяюсь, когда говорю, что не смогу жить без Андрея?

– Вы не притворяетесь, – спокойно ответила Арина. – Просто я уверена, что вы сможете жить без мужа. Я немного в курсе того, что происходило в вашей семье.

– Ничего у нас не происходило! Что это вы выдумываете! – возмутилась Васильцева.

– Рита, давайте договоримся так: вы выслушаете меня, не перебивая. Ничего не говорите сегодня, но подумайте над моими словами, и следующий раз мы обсудим ситуацию вме-

сте. Договорились?

– Я ни о чем не собираюсь с вами договариваться! – резко ответила женщина.

– Вы просто выслушаете меня и все. Хорошо?

Рита ничего не ответила.

– Вы далеко не так глупы, как хотите казаться, – начала Арина.

– Был ум, да весь сплыл, – невесело усмехнулась Рита.

– Так не бывает. Возможно, последние годы вы находились в своего рода спячке, это верно. Извините за резкость, но вы не жертва, вы соучастница того, что происходило в вашей семье. Без вашего молчаливого согласия, муж не мог бы так вести себя, как он вел. Не надо, не говорите ничего, я знаю, что вы скажете, – остановила она Риту, которая попыталась ее прервать. Вы будете говорить, что не знали ничего о его связях. Давайте оставим эту версию для полиции, если вы хотите ее придерживаться. Сейчас мы говорим не об убийстве, а о том, сможете ли вы дальше нормально жить? Я утверждаю: сможете. Почему? Да вы давно уже живете по сути одна. И по каким-то причинам вас это устраивало. Жертвой можно быть один раз. А потом или человек отказывается продолжать играть по правилам, навязанным ему, или принимает их. Вы почему-то приняли правила игры, предложенные мужем. Не будем опять же вдаваться сейчас в детали того, почему вы это сделали. Но приняли и жили так не один год. Вы давно замужем?

– Скоро тридцать, – выдавила из себя Рита.

– Я уверена, что все это началось не сегодня. Во всяком случае, длилось много лет. И вы выжили, значит, выживете и сейчас. Смерть близкого человека – это трагедия. Я не спорю. Но, уверяю вас, вам гораздо легче пережить эту смерть, чем многим другим женщинам в подобной ситуации. Тем из них, которые продолжали жить с мужем одной жизнью, а не двумя параллельными, как в вашем случае. И я уж не говорю о тех, чьи отношения были по-прежнему отношениями любящих мужчины и женщины. Я говорю жестокие вещи, но...

В это время в прихожей хлопнула дверь, и в комнату вошел невысокий полноватый юноша довольно бесцветной наружности. Смотрел он исподлобья и выглядел угрюмым.

– Здравствуйте, – не очень приветливо поздоровался он.

– Вот и Коленька пришел, – сказала Рита и вдруг зарыдала.

Николай бросился к матери.

– Мам, ты чего? Не надо!

– Ой, сынок, отца-то убили, представляешь! Как же мы теперь без него проживем-то? Что будем делать? – как-то очень по-бабьему вдруг запричитала Рита.

– Успокойся! Прекрасно проживем! Так ему и надо!

– Боже мой! Что ты говоришь такое? Как ты можешь! – воскликнула Рита, с ужасом глядя на сына. – Как же ты так об отце? Опомнись!

– Тоже мне отец... Слова ласкового от него не дожدهшься. Все только критика, да попреки. А последние годы? Когда я его видел? Когда он вообще дома бывал? Все по бабам своим шастал.

– Прекрати! Прекрати! Не слушайте его! – уже в полный голос завопила Рита. С ней явно начиналась истерика.

Арина, не зная что делать, смотрела на Николая. Тот метнул на нее недобрый взгляд.

– Идите, я ее успокою.

– Хорошо, я пойду, только вот мой телефон, я хотела с вами поговорить. Позвоните мне, пожалуйста, как можно быстрее. Ладно?

– Позвоню, позвоню, – проговорил он, уже не глядя на Арину и явно желая от нее отделаться. Потом подошел к матери, которая рыдала, сидя на диване, обнял ее и ласково начал баюкать как маленького ребенка.

Арина положила свою карточку с телефоном на стол и пошла в коридор. Когда она закрывала входную дверь, до нее донеслось:

«Мамуля, успокойся, я тебя прошу. Я тебя очень люблю. И бабушка тебя любит. Будем жить втроем. Все будет хорошо, даже лучше.

Выйдя на улицу, Арина остановилась в раздумье. «Странная семейка. Жена делает вид, что боготворит мужа, который ее давно ни во что ни ставил. Могла ли она убить его, чтобы отомстить за свои страдания? Сын, судя по всему, от-

да ненавидит. Обожает мать. Интересно, насколько ненавидит и сколь сильно любит? Ясно, что он очень переживал за мать. Мог ли он отомстить за ее страдания? Он и фильм смотрел про лекарство. Переводил им. Рита сама сказала. Надо было посмотреть их аптечку, как я и хотела. Но разве с ней можно было спокойно разговаривать. У нее, конечно, нервы ни к черту. Очевидно, что эта игра в ничегоневедение давалась ей нелегко. Может, завтра она немного успокоится, и я смогу с ней поговорить. Все-таки не верится мне, что она убила. Слишком застарелая рана. А если сын... Он тоже не стал бы лекарство дома держать. Выбросил бы то, что осталось. Но как он мог его купить? Правда, Вера говорила, что он по стопам матери пошел: фармаколог, вроде. Надо ей позвонить».

Вера, как всегда, трубку брала быстро.

– Риша, привет! Я только собиралась тебе звонить. Ты как?

– Я ничего, но с этими Васильцевыми все очень сложно.

– Ты можешь подъехать. Я сижу дома одна, поговорим.

– Хорошо, только предупрежу Олега. Я тебе перезвоню.

Арина набрала телефон мужа. Оказалось, что как раз сегодня Олег собирался привести вечером к ним одного друга, приехавшего из Москвы. Это было вполне в его духе: предупредить Арину лишь за пару часов о том, что у них вечером будут гости. Арина перезвонила Вере.

– Вер, давай завтра, хорошо? Сегодня Олег к нам кого-то приведет. Я должна бежать в магазин и приготовить ужин. Скажи только, Коля Васильцев, кто он по профессии? Где работает?

– Что он окончил, точно не помню. По-моему коммерческое училище. Университет он не потянул. Я помню, что Андрей его шпынял по этому поводу. А работает в какой-то фармакологической лаборатории, по-моему, компании Терк. Что в лаборатории точно, а какой компании не уверена.

– С отцом у них, судя по всему, отношения неважные. Ты не знаешь, почему?

– У Николая были проблемы в колледже, в основном из-за лени и алкоголя. Он одно время выпивал. Из колледжа его выгнали. Вот тогда с отцом у них и вышла крупная разборка. Андрей человек крутой. Он, недолго думая, взял и отправил его в клинику. Специальную, где лечат алкоголиков. Представляешь, он его там полгода продержал! Вот с тех пор он отца и возненавидел. А что?

– Да нет, ничего, завтра объясню. Пока.

«Так, в лаборатории, да еще фармакологической. Один к одному мама и сыночек подобрались. Надо будет ему самой завтра позвонить и срочно встретиться», – подумала Арина, повесив трубку.

Пока ехала в магазин, соображала, что бы такое приготовить сегодня на ужин. Гости экспромтом были в ее жизни

явлением вполне обычным, поэтому у Арины имелось в запасе несколько рецептов блюд, которые готовились довольно быстро и не были слишком сложными для исполнения. Сегодня она решила приготовить швейцарский пирог, который особенно популярен в кантоне Аппенцель. Купив необходимые продукты, отправилась домой.

Отварила картошку, остудила и помяла ее. Натерла много аппенцельского сыра. Порезала грудинку. Смешала картошку, сыр, грудинку, добавила туда сметану, выдавила чеснок. Потом развернула готовое слоеное тесто, выложила туда приготовленную смесь, закрыла вторым прямоугольником теста и поставила пирог в духовку. Сделала легкий зеленый салат, выложила на тарелочку оливки, орешки, открыла красное и белое вина и накрыла на стол. До прихода мужа и гостя оставалось еще время, и Арина присела на диване почитать. Но тут раздался голос мужа.

– А вот и мы! Заседание раньше кончилось. Вот, знакомься, это Александр Белов.

Олег представил Арине человека, с которым он вошел в комнату. Это был молодой мужчина, высокий, худощавый, темноволосый, чем-то напоминавший известного английского актера Хью Гранта. Возможно, странной смесью самоуверенности и уязвимости одновременно.

– Здравствуйте, – поздоровался тот.

– Мой приятель еще по Москве, – добавил Олег. – Мы с ним много лет в одном клубе теннисом занимались. Вместе в турнирах выступали.

– Да, было дело, – протянул Александр.

– Здравствуйте, – приветствовала гостя Арина. – Присаживайтесь, вам придется немного подождать. Я только что поставила пирог в духовку.

– Ничего, не волнуйтесь, мы не голодные.

– Ну, это он скромничает, мы голодные как волки, – вмешался Олег.

– Вот, угощайтесь пока – тут оливки вкусные, мы на рынке покупаем. У нас в Дивоне по воскресеньям замечательный рынок, – Арина подвинула к креслу, на котором сидел гость, блюдо с оливками.

– Да, знаю, мы иногда приезжаем с сестрой на ваш рынок.

Она у меня в ООН работает.

– А вы здесь часто бываете?

– Александр у нас бизнесмен, у него свое издательство, – ответил за своего знакомого Олег.

– У вас издательство? Ну и как? Это прибыльное дело? – поинтересовалась Арина.

– Не очень. Вернее, смотря что издавать. В основном специализируюсь на научной литературе. Я ведь по образованию физик. А для души пытаюсь заниматься современной литературой. В том числе ее пропагандой за границей. А это не очень просто, труд переводчиков дорогой, да и не так

много талантливых. Знаете, чтобы хорошо перевести, нужен подчас не меньший талант, чем писательский. Хорошему переводчику надо заплатить почти столько же, сколько и писателю. Так что миллионов на этом не заработаешь.

– А что это за книга?

Арина кивнула на книгу, которую Александр принес с собой и положил на столик около дивана.

– Некая Величкина написала о Швейцарии. Как-то купил у вас, на блошином рынке на площади Плэнпале. Давал сестре почитать.

Арина взяла книгу и стала ее перелистывать.

– Довольно странная книга.

– Почему странная?

– Да написано в такой манере пасторальной. Как будто для детей, но не думаю, что в то время такие книги издавали для подростков.

– Ах, вот вы о чем. Но это же Сытин издал, – улыбнулся Александр. – Сытин много лет выпускал художественную и нравоучительную литературу. По цене, доступной для народа. И что удивительно, не только не прогорел, как ему предсказывали, но и нажил на этом состояние. Издавал он, практически, все: календари, лубок, классику. Он же основал свою газету «Русское слово». Вы, наверное, слышали? Это тоже его детище. В этой газете Чехов активно сотрудничал. А еще у него была серия, которая называлась «Библиотека для самообразования». Он начал, как теперь бы выра-

зились, этот проект через несколько лет после основания товарищества. Я думаю, эта книга как раз из этой серии.

– Вы так много знаете о Сытине, – удивилась Арина.

– Когда я начинал свое дело, в какой-то степени им вдохновлялся, – ответил Александр. – Сначала выпускал научно-популярную литературу. Но миллионов не заработал. Нет у меня таланта сытинского, – развел руками Белов

– При чем здесь талант! – вмешался Олег. – Просто время не то. Сейчас твоя популярная литература не нужна. Интернет все подмял под себя. Нужно тебе что-то выяснить. Ввел данные в поисковую систему, и через минуту у тебя вся информация по теме.

– Да, это, конечно, фантастика, – поддержала мужа Арина. Вспомните, как мы раньше кропали дипломы и диссертации. Десять штанов протрешь, пока материал по библиотекам соберешь.

– А меня уже тошнит от этого компьютера, – возразил Белов. – Вы знаете, я думаю, что книга не умрет. Когда держишь в руках книгу, а не электронную коробку – это лечит. Чтение текста на бумаге успокаивает, а на экране возбуждает. Тот же текст действует по-разному. И книги нужно, конечно, подбирать соответствующие. Вот эта книга, например, просто замечательное успокоительное. Я ее на ночь вместо снотворного принимаю. Двойная польза: что-то новое узнаю, и лекарство не приходится пить.

– А по-моему, это не Величкина так на тебя действует,

а то, что она про Швейцарию пишет. Эта страна – просто сонное царство. А Женева и подавно. В шесть часов вымирает. В семь тридцать все у телевизоров. Смотрят новости до восьми. А потом уж и на боковую. Эти новости у них все равно, что «Спокойной ночи малыши». Такие же убаюкивающие.

– Хватит тебе бедных швейцарцев критиковать, – вступилась Арина. – Зато в шесть они уже на ногах и в восемь, а то и в половине восьмого на работе. Так что вполне их понимаю. Но насчет компьютера я с мужем согласна, – повернулась Арина к гостю. – Диссертации я не писала, но для статьи нужную информацию теперь можно за пару часов подыскать. А раньше на это уходило, как минимум, несколько дней, а то и недель.

– А вы кто по специальности? – поинтересовался Александр.

– Я окончила факультет журналистики МГУ.

– А еще она у нас психолог, – с гордостью добавил Олег

– Да ладно тебе, какой я психолог? – махнула Арина рукой. – Не слушайте его.

– Нечего скромничать. Училась три года? Училась. А что диплом не стала получать, оно и правильно. Все равно тебе здесь официально на работу психологом не устроиться. Сейчас и швейцарцы без работы сидят.

– А что вы сейчас готовитесь выпускать? – Арина поняла,

что пора сменить тематику, иначе она рискует услышать еще не один вопрос о проблемах воспитания детей.

– Пытаюсь договориться с одним швейцарским издательством о совместном проекте. Собираемся опубликовать на русском и французских языках сборник статей наших физиков, работающих в Европейском центре ядерных исследований. Вы, наверно, слышали о том, что у вас тут неподалеку коллайдер запущен?

– В ЦЕРНе¹⁷? – без большого энтузиазма спросила Арина. – Нет, не слышала.

– Вы серьезно не знаете, что это такое? – в голосе Белова слышалось неподдельное изумление.

– Правда, не знаю. А почему вас это так удивляет?

– Весь мир об этом уже который год говорит. В Женеве паника была, когда его собирались запускать. Некоторые кричали, что город в черную дыру засосет.

– Как это так, засосет? – поразилась Арина.

– Ну, говорили, что во время опыта образуются черные дыры и Женеву, а то и всю Швейцарию в нее засосет, – с усмешкой ответил гость.

– Арина у нас всегда была слаба по части точных наук, –

¹⁷ ЦЕРН (CERN) – Европейская организация по ядерным исследованиям. Иногда переводится как Европейский Центр ядерных исследований. Аббревиатура CERN произошла от фр. *Conseil Européen pour la Recherche Nucléaire* (Европейский совет по ядерным исследованиям). В русском языке обычно используется аббревиатура ЦЕРН.

вступился за жену Олег. – И к технике я ее близко не подпускаю. Сразу что-то сломает. А потом ты все-таки преувеличиваешь значение коллайдера.

– Вовсе не преувеличиваю. Сам факт, что его строили двадцать лет и угрохали на него больше десяти миллиардов долларов, уже о чем-то говорит! – запальчиво сказал Александр.

– Но последствия его запуска были все-таки преувеличены! – возразил Олег.

– Смотря о каких последствиях ты говоришь..., – начал Александр.

«Дался им этот коллайдер!» – подумала Арина и перебила разошедшихся мужчин.

– Подождите, объясните, пожалуйста, толком, что такое этот ваш коллайдер?

– Александр завтра едет в Ассоциацию поддержки инновационных проектов. Поезжай с ним и там во всем разберешься, – предложил Олег.

– Это правда? – поинтересовалась Арина.

– Да.

– Можно я с вами поеду? Мне очень надо там побывать, я пытаюсь разобраться в убийстве Васильцева. Вы, наверное, его знали? Он же тоже физик и в этой ассоциации работал много лет.

– Знаю немного, – на удивление сухо ответил Александр.

Как показалось Арине, ее вопрос был почему-то неприятен гостю. Видимо, она не ошиблась, поскольку Александр

поспешил сменить тему.

– Хорошо, я завтра там должен быть во второй половине дня. Если вас это устраивает, то давайте созвонимся и поедем вместе. Тем более, что я без машины.

– Замечательно, я буду ждать вашего звонка.

Вдруг Арина почувствовала, что пахнет подгоревшим, Она принюхалась.

– Ой, извините, но я побегу на кухню, а то пирог сгорит!

Она выбежала из комнаты. Оказалось вовремя. Еще чуть-чуть и пирог бы пропал. А так в самый раз. Александру швейцарское блюдо пришлось по вкусу. За ужином и разговорами засиделись допоздна. Уже было около двенадцати, когда Олег повез гостя в гостиницу.

Убираясь на кухне, Арина вспоминала сегодняшней вечер.

«Надо будет узнать завтра в ассоциации про коллайдер подробнее, а то просто неудобно получается. Ничего не знаю о событии, которое под боком происходит. А Александр человек интересный. Сейчас так редко с кем-то можно поговорить. Мужчины те или о спорте, или о политике. А женщины... Да и сама тоже хороша. Совершенно перестала читать. Когда последний раз серьезную вещь читала? Вот закончу эту историю с Васильцевыми, сделаю для Веры тур и засяду за новые книги по психологии. Столько опубликовано интересного, а я все только покупаю и просматриваю. А надо проштудировать основательно», – подвела она итог размыш-

лениям.

Закончив дела на кухне, Арина пошла в гостиную и тут заметила на тумбочке книгу. Белов забыл книгу, которую принес с собой. Олег еще не вернулся и Арина, устроившись поудобнее на диване, решила почитать на сон грядущий. Книга называлась «Швейцария». С подзаголовком, «Швейцарские горы; швейцарские города и деревни; жизнь швейцарского народа». Автором, а вернее «составителем», как значилось на титульном листе, была некая В.М Величкина. Напечатана же она была в Москве в 1898 году. Ее издание было «дозволено цензурою» Санкт—Петербурга в 1897 году. «Интересно, что же такого можно было написать о швейцарских горах, если это должна была утверждать цензура?» – подумала Арина и начала читать.

«Швейцарцы очень бережливый народ и редко разоряется. Хозяйство свое ведут они толково, умело. Разве какое-нибудь несчастье разразится над ними – разольется река и затопит поле, а иногда и дом, или сорвется с горы снежная лавина и передавит, перепортит все на пути. Но и тогда пострадавшим не трудно оправиться, потому что как только узнают в Швейцарии о таком несчастье, со всех сторон им собирается помощь, и они скоро оправляются».

«Однако в этой примитивности есть что-то трогательное. И успокаивающее, – решила она. – Даже убаюкивающее. Вот и спать захотелось. Прав был Александр, она лучше любо-

го снотворного. Пойду, пожалуй». Арина уже собралась закрыть книгу, когда ее внимание привлекла запись, сделанная напротив абзаца, который она прочитала. Запись была сделана по-русски, карандашом. Фразы были написаны небрежно, часть слов лишь угадывалась, окончаний не было. Но Арина все-таки смогла кое-что разобрать: *«Ерунда, и тогда разорь- лись, разоряются и будут разоряться!! Что делать? Мне кто поможет?»* «Интересно, это Белов написал или он купил уже книгу с надписями? Вроде бы, он человек аккурат- ный, к тому же сам издатель. Вряд ли будет на книге пи- сать», – решила она и, закрыв Величкину, отправилась спать.

Aujourd'hui
saint
François

Глава четвертая. САКУРА

На следующее утро, проводив Олега на работу, Арина задумалась: что она должна предпринять сегодня?

«Пожалуй, надо встретиться с Соколовой, любовницей Васильцева. У меня же есть ее рабочий телефон», – решила она.

Арина набрала нужный номер. Соколовой на месте не оказалось, ассистентка сказала, что мадам Соколова уже второй день больна и на работу не выходит. Арина взяла городскую телефонную книгу и нашла домашний телефон Соколовой. Дома трубку никто не брал.

«Интересно, где же мне ее искать? А встретиться я с ней должна обязательно. Раз она больна, то не могла уйти надолго. Наверное, вышла за лекарством или за продуктами неподалеку. Поеду, пожалуй, к ней домой. Может она уже вернется к этому времени».

Когда Арина была уже готова выходить, зазвонил мобильник. Она не сразу узнала голос Васильцевой.

– Ради бога, приезжайте, – женщина говорила очень тихим, сдавленным голосом.

– Рита, что случилось?

– У нас был обыск. Приезжайте, – и Васильцева повесила трубку.

Арина села в машину и поехала в Женеву. Дверь ей от-

крыл Николай.

– А, это вы... – без выражения проговорил он. – Мама спит. Я дал ей успокоительное, она была в невменяемом состоянии. Ну и она задремала. Не надо ее будить.

– Можно я войду? – попросила Арина. – Я подожду, мне все равно нужно поговорить с вами.

– Входите, но разговаривать мне с вами не о чем.

Николай неохотно отошел в сторону, и Арина вошла. Она ожидала увидеть в квартире беспорядок, раскиданные вещи, сдвинутую мебель. Словом то, как обычно изображают в фильмах помещение после обыска. Но квартира выглядела почти так же, как и в первый ее приезд. Разве что кое-где лежали книги и папки с бумагами.

– А что, обыск действительно был? – спросила она Николая, который стоял рядом и молча смотрел на нее.

– Да, рано утром приехали двое. Я даже на работу еще не успел уйти. Показали бумагу. Все чин чинном. А потом так дотошненько и аккуратненько начали квартиру прочесывать. Три часа трудились. Возьмут папку, полистают, закроют и на место поставят. Вон, даже убираться не надо, – усмехнулся он.

– Ну и нашли что-то?

– Я помог, – в его голосе прозвучала гордость.

– Ты!?

– Да я. Ну не прямо, конечно, а так, будто ненароком по-

интересовался, будут ли они и в каве¹⁸ искать. Вот они в подвал и отправились. А так кто знает, может и не пошли бы.

Когда Арина с мужем приехали в Швейцарию, то первые годы они снимали квартиры в Женеве. Арину поразили подвалы женевских многоквартирных домов. Они были прекрасно оборудованы. Побеленные, чистые, светлые. Большую часть занимали гаражи. Были помещения, где находились стиральные и сушильные машины, которыми пользовались жители дома. Имелись комнаты, в которых хранились велосипеды и коляски. Стояли контейнеры, куда нужно было складывать журналы, газеты и прочую макулатуру. И наконец, значительная часть подвалов была разбита на отсеки, чаще всего отделенные друг от друга деревянными перегородками. Каждый такой отсек, своеобразная кладовка, принадлежал одной семье. Там же, в подвалах были даже туалеты. Входы в отсеки, где находились кавы, оборудованы металлическими дверями такой толщины, что открыть их Арине было не под силу. Эти двери всегда держали открытыми. Как-то в компании Арина пошутила насчет тупости швейцарцев, ставящих в подвалах туалеты и металлические сейфовые двери. Каково же было ее удивление, когда она узнала, что эти подвалы – бомбоубежища. На случай ядерной войны. И то, что в мирное время служило кладовками, во время войны должно было служить помещениями, где можно было бы прожить какое-то время.

¹⁸ *Cave* (фр.) – погреб, подвал.

Существовал закон, который обязывал строить такие бомбоубежища не только в многоквартирных домах, но даже и в частных. В чем Арина позже и убедилась, побывав в гараже швейцарских друзей, который был оборудован такой же сейфовой дверью. Система надежных кладовок, оборудованных в подвальных помещениях, существует и поныне.

– И что же они там нашли? – спросила Арина.

– Что надо, то и нашли, – резко ответил Николай.

– Послушайте, Николай, я не понимаю, почему вы так себя ведете? Вы что не хотите, чтобы я помогла вам?

– А чего нам помогать – нечего! И так все решится как надо. Чего вы тут все ходите и нос не в свои дела суете? – обрезал ее парень.

– Ваша мама просила меня ..., – начала было Арина, но Николай не дал ей закончить.

– Не она вас просила, а эта ее знакомая, Моргунова. Такая же проныра, как вы. И вообще, кто вы такая, чтобы помочь. Что вы понимаете в таких делах?

– Кое-какой опыт расследований я имею. Несколько лет проработала в газете «Следопыт», – Арина надеялась произвести впечатление на парня, упомянув газету, пользовавшуюся известностью. Но эффект оказался противоположным.

– Ах так! – повысил голос Николай. – Так вы еще хотите в вашей газетенке нас грязью полить! Все, нечего вам здесь больше делать. Уходите немедленно!

– Хорошо, я уйду, – Арина поняла, что уговаривать его

бесполезно. – Но передайте маме, чтобы она мне позвонила. И сами позвоните, если надумаете поговорить. Мне кажется, вы не понимаете, насколько все серьезно.

Николай не отвечал и не смотрел в ее сторону. Арина повернулась и пошла к выходу. Проходя мимо круглого столика, стоявшего в гостиной, она увидела несколько фотографий, стоявших на нем. Ее взгляд привлекла одна из них. На фотографии был изображен уже далеко немолодой, но удивительно интересный мужчина. Слегка выющиеся светлые, уже седеющие волосы красиво обрамляли лицо, плавно переходя в небольшую, аккуратно подстриженную бородку. Изящной формы нос, крупные чувственные губы. Светлые глаза, близко посаженные друг к другу, были небольшими, но красивого разреза. Лишь очень крупный лоб вносил некоторый диссонанс в это, в общем, очень правильное лицо. И еще взгляд. К такому лицу подошел бы или надменный или жизнерадостный взгляд, а у мужчины он был странно напряженным и жестким.

– Это кто? Отец? – спросила она, оборачиваясь к Николаю.

– Да, – буркнул тот, взглянув на нее исподлобья.

«Как у отца, – подумала Арина. – Взгляд такой же недобрый. А вот красоты отцовской не досталось. В мать пошел».

Она вышла на улицу и еще раз набрала телефон Соколовой. Трубку опять никто не взял.

«Да, ничего у меня не получается. Дело с места не движется». Арина набрала телефон Веры.

– Привет! Ты как? – голос подруги звучал радостно и бодро.

– Я не очень. Может, встретимся ненадолго? Надо поговорить.

– А ты где?

– Я вышла от Васильцевых.

– Хорошо. У меня есть полчаса. Я сейчас в Интерконтинентале. Ты можешь сюда подъехать?

– Конечно.

– Все, встретимся в баре.

Отель Интерконтиненталь, где они договорились встретиться, находился почти на самой площади Наций,¹⁹ в пяти минутах езды от Пти-Саконе.

Через пятнадцать минут подруги уже сидели в баре на первом этаже отеля. По вечерам здесь бывало шумно и многолюдно, но в это время дня почти никого не было и можно было спокойно поговорить.

– Ничего не получается. Топчусь на одном месте. С Ритой разговаривать невозможно. А сын просто отбрасывает меня каждый раз, как только я приближаюсь к нему на расстояние вытянутой руки. И взгляд у него злой, как у отца. Вол-

¹⁹ *Place des Nations* (фр.) – площадь, на которой находится женевское отделение Организации объединенных Наций.

чонок какой-то, – пожаловалась Арина.

– Пожалуй, у него действительно есть что-то от волчонка. А вот отец – тот был матерый волк. Несмотря на свою ангельскую внешность.

– Да, я сегодня случайно увидела его фотографию. Он что, действительно был так хорош?

– Даже лучше. У него, подлеца, еще и была такая... Не знаю, что это. То ли харизма, как теперь говорят. То ли просто ты понимала, что перед тобой мужик, а не баба. Весь такой из себя изящно-блондинистый, но при этом чувствовалась хватка. Это, наверное, так безотказно и действовало на баб. Смесь ангела с чертом.

– А слухи о его победах не преувеличены?

– Думаю, нет дыма без огня. Рита, правда, чаще всего скрывала, что у них там происходило. А потом я и не лезла с вопросами – зачем мне это нужно? Но пару раз ее мать моей жаловалась, что зять, мол, совсем обнаглел, домой приходит бог знает когда, иногда и вообще дома не ночует, по выходным его тоже никогда не бывает. Мне мама говорила, что Фомина своего зятя иначе как Казановой не называла.

– Я, конечно, Васильцева совсем не знаю, но думаю, до Казановы ему далеко.

– Ты хочешь сказать, что у Васильцева было меньше женщин? Казанова ловелас и Васильцев такой же.

– Нет, я не в этом смысле. Казанова был необычным человеком, его образ опошлили, все свелось к победам над жен-

щинами.

– Ты никак за Казанову обиделась? – удивилась Вера.

– Нет, конечно, но он был не так примитивен, как считают многие. Я тоже до недавнего времени так думала.

Арина не могла удержаться, чтобы не рассказать Вере о том, что не так давно узнала о Казанове.

Его мемуары считаются чуть ли не лучшими в этом жанре. Он блестяще повествует о странах, в которых побывал, о людях с которыми встречался, дает удивительно точный анализ событий, происходивших в это время. Его книга прекрасный путеводитель по эпохе, в которой он жил. А как он пишет о женщинах, которых действительно ценил! Было несколько, любовь к которым он пронес через всю жизнь. В общем, это была незаурядная личность во многих отношениях.

– А ты что, читала его мемуары?

– Нет, но Муратов в «Образах Италии» посвятил ему отдельную главу. Почитай, очень советую. Ты многое можешь оттуда почерпнуть.

– Но записки же об Италии, вот если бы он о Швейцарии писал...

– Ладно, ты у нас неуч, неучем и останешься! Я не помню, когда тебя с книгой в руках видела.

– Вот и неправда! – возмутилась Вера. – Все, что мне надо по работе, я читаю. А на остальное времени нет. На мне дом, работа, муж и дети. Это ты свою дочь за океан сбагрила и теперь тебе делать нечего, окромя как с книжечкой на бал-

коне сидеть!

– Извини, я не хотела тебя обидеть. Давай лучше вернемся к нашим баранам, то бишь к Васильцевым. Хорошо? – Арина вопросительно посмотрела на подругу.

– Хорошо, вопрос закрыли, – примирительно ответила Вера. – А про Васильцевых что ты думаешь? Мог кто-то из них убить Андрея?

– Я не думаю, что Рита могла убить. Я тебе уже говорила после первой встречи. Пока прибавить нечего. А вот Николай... Здесь я не уверена, что все понимаю. Очень уж он озлоблен на отца. Ненависть из него так и прет. Он ее и не скрывает. Правда, зачем ему, если он виноват, надо на показ ее выставлять? Даже мне. Нечего было ему высываться со своей нелюбовью. Мог бы и потерпеть немного. Он же не дурак.

– Нет. Озлоблен – да, но ты же не думаешь, что он убил?

– В принципе мог. Причины для этого имеются, возможности тоже. Ты же сама сказала, что он в химической лаборатории работает. Я проверила: она как раз производила то лекарство, которое давали Васильцеву. Сейчас уже не производит, но он мог раньше им запастись. А о его свойствах он знал. Рита сама мне рассказала, что они вместе документальный фильм смотрели, где рассказывали о побочных действиях этого препарата на сердечников. К тому же у него не только патологическая ненависть к отцу, но и, на мой взгляд, не совсем адекватная любовь к матери.

– Ты уж скажешь тоже. Разве любовь к матери может быть неадекватной?

– Понимаешь, она у него несколько преувеличенная, истеричная. Для парня в таком возрасте не очень нормальная. Особенно ее проявление. Есть ребята, которые испытывают очень глубокое чувство к матери, но в этом возрасте они его не будут афишировать. Молодым людям свойственно скорее скрывать свои чувства, чем выставлять их напоказ. У него явно с психикой не все в порядке. Поэтому я не могу исключить полностью, что он не убивал. Но мне надо с ним хотя бы поговорить еще, а он не идет на контакт. Никак. Он возвел вокруг себя стену, которую я не могу преодолеть. Причем эта стена существует давно. Я думаю, он возвел ее, защищаясь от отца.

– И что ты думаешь делать? – спросила Вера.

– Попробую еще раз завтра с ним встретиться. Послушай, а ты знаешь такую Елену Соколову?

– Слышала, что-то, но не помню в какой связи.

– Говорят, она была любовницей Васильцева.

– А, конечно, поэтому мне ее имя и знакомо. Об этом вся Женева говорила. У них был бурный роман. И что удивительно, я слышу об этой связи уже года три. Для Васильцева это просто рекорд. Ты ее видела?

– Нет, звоню уже второй день, не могу дозвониться. Мне очень нужно с ней увидеться.

– Здесь я не могу тебе ничем помочь. Послушай, я пони-

маю, тебе сейчас некогда, но меня тоже подпирает. Я сейчас привезла с аэродрома Туманяна, главу турфирмы, с которой мы работаем в Москве. Я тебе о нем рассказывала.

– Может быть, и что?

– Он на неделю приехал, как раз планы согласовать на это лето. Ты сможешь мне подготовить что-нибудь к завтрашнему дню? Я хочу, чтобы мы завтра вечером у нас дома встретились. Я его пригласила, и ты должна подъехать. Где-то часам к восьми.

– Как? Ты хочешь уже завтра? Нет, это не реально.

– Послушай, мне же не нужны от тебя детали. Ты просто накидай предложение в общих чертах. Если идея ему понравится, мы потом уже будем готовить детальный план. Один вариант у нас уже был, помнишь – по ленинским местам. Ты только напиши конкретно, куда ехать, что там находится и сколько дней примерно надо на такую экскурсию. Ну и хорошо бы еще пару идей. Договорились? Все, мне пора бежать. Ты извини. Звони, если что. Лады? Да, книгу этого твоего Муратова в следующий раз захвати. Я ее все-таки прочитаю.

Вера убежала, а Арина осталась сидеть в баре, раздумывая, что делать. К Васильцевым опять идти было бесполезно. Она еще раз набрала телефон Соколовой. Безрезультатно. В этот момент мобильный в ее руках ожил. Звонил Александр Белов. Он уже освободился и находился совсем рядом, в ООН. Как договаривались накануне, Арина заехала за ним,

и они отправились в Ассоциацию.

Ассоциация поддержки инновационных проектов находилась на территории ЦЕРНа в Мейеране. Безликий, холодный, застроенный многоэтажными блочными зданиями этот район напоминал ей московские новостройки семидесятых годов. В одной из таких новостроек, в Новых Черемушках, и прошли ее детство и юность.

Здание ассоциации располагалось в небольшом доме. Арина попросила Александра, часто бывавшего здесь, познакомить ее с коллегами Васильцева, особенно с теми, кто хорошо знал его. Они зашли в небольшой кабинет, находившийся на первом этаже. Александр представил ей невысокого плотного мужчину в очках с весьма невыразительным лицом и неопределенного возраста. Георгий Сергеевич Найденов был подчиненным Васильцева и работал с ним последние годы. Как и Васильцев, был физиком и раньше работал в ЦЕРНе. Они договорились, что Александр займется своими делами и зайдет за ней через часок.

Разговор с Найденовым не клеился. Когда Арина задавала ему вопросы, он отвечал очень неохотно и однозначно: «да», «нет». Арина пыталась понять, чем занимался их отдел. Найденов говорил весьма расплывчато, объясняя это тем, что Васильцев посвящал его далеко не во все. Он помогал ему лишь в одной конкретной области. К ним из ЦЕРНа поступала информация обо всех происходивших там экспериментах, опытах и исследованиях. На базе многих из них

разрабатывались новые технологии. А новые технологии – это часто и новые изобретения. Они проверяли информацию и если убеждались, что данное изобретение еще не было зарегистрировано, то давали заключение об этом. Что открывало возможность оформить патент во Всемирной организации интеллектуальной собственности, находящейся здесь же, в Женеве. А это, в свою очередь, потенциально давало возможность заработать немалые деньги.

– Георгий Сергеевич, у вас была постоянная работа? – спросила Арина. – Ведь не каждый день что-то изобретают?

– Да вы хоть понимаете, что такое сейчас происходит в ЦЕРНе! – неожиданно возмутился Найденев.

– Слышала, – ответила Арина, – там происходят эксперименты на коллайдере.

– А что такое коллайдер вы знаете? – не унимался Найденев.

– Очень приблизительно. Это вроде бы крупнейший в мире ускоритель элементарных частиц.

– Не вроде бы, а крупнейший, – было видно, что Найденев постарался взять себя в руки и уже более спокойным тоном начал объяснять Арине детали происходящего.

Самый крупный в мире ускоритель элементарных частиц находится на границе Швейцарии и Франции, на глубине примерно ста метров. Запуск коллайдера – это огромный шаг в области физики элементарных частиц и атомного ядра. Пучки протонов огромной интенсивности прошли по ги-

гантскому 27-километровому подземному кольцу. Столкновения протонов на скоростях, близких к скорости света позволили достигнуть температуры более полутора триллионов градусов. Такие температуры существовали лишь в самом начале Вселенной. Надеются, что в ходе эксперимента удастся воссоздать те условия, которые существовали во время «Большого взрыва», в результате которого, как считают многие ученые, более тринадцати миллиардов лет назад и возникла наша Вселенная.

Найденов говорил размеренно, будто читал лекцию. Было очевидно, что все это он рассказывает уже не в первый раз. А может и действительно читал лекции на эту тему. Арина пыталась сосредоточиться, но его голос убаюкивал.

К тому же он, видимо, забыл, что перед ним находится человек, весьма далекий от точных наук. Постепенно его речь обрастала все менее и менее понятными Арине терминами и понятиями: пучок протонов, фундаментальные частицы Топ-кварков, столкновение ядер атомов свинца, теория «суперсимметрии» и все в таком же духе.

Наконец, он замолчал.

– Георгий Сергеевич, теперь я понимаю, что это грандиозный проект, – это было, пожалуй, единственное, что Арина действительно поняла. – А правда ли, что многие опасались запуска коллайдера?

– Да, были такие люди, – не очень охотно ответил Найденов. – Группа ученых даже направила жалобу в Европейский

суд по правам человека.

– В Страсбург? – удивилась Арина.

– Да.

– И чего же они боялись?

– Они утверждали, что в результате эксперимента могут образоваться микроскопические «черные дыры». Пророчили мировой катаклизм. Но, как видите, никакого конца света не произошло, – с усмешкой добавил Найденов.

– А... теперь вспоминаю, – рассмеялась Арина. – Какая-то певица даже пела про конец света. Моя дочь мне давала слушать что-то маловразумительное, – это было, наверное, перед первым испытанием.

– Да, Кейт Маколпин распевала, что «нас всех бабахнет по башке». Или что-то в этом духе, – впервые за все время разговора улыбнулся Найденов. – Малоизвестная певичка сделала себе имя на коллайдере.

– Георгий Сергеевич, последний вопрос, а то я вам уже надоела основательно, – Арина увидела, что Найденов посмотрел на часы. – Я теперь понимаю, что задала вам вначале глупый вопрос насчет изобретений. Наверное, их было сделано немало?

– А вот на этот вопрос многие хотели бы знать ответ. Безусловно, были. Но до тех пор, пока они не запатентованы, они не подлежат обсуждению. Надеюсь, вы понимаете, что многие дорого бы дали за то, чтобы узнать, создана ли в результате эксперимента машина времени, – улыбнулся Най-

денов.

– Машина времени? Вы шутите?

– Да, это, конечно, шутка, но не совсем, – Найденков был явно доволен реакцией Арины. – Два наших физика предсказывали, что в результате эксперимента будет открыта возможность реального перемещения во времени. Я избавлю вас от объяснения их гипотезы, но она была довольно серьезно обоснована.

– Была? – опять переспросила Арина. – Значит, гипотеза не оправдалась?

– Во всяком случае, Дэвид Дойч шляпу еще не съел. – Из чего вы можете заключить, что пока не оправдалась, – хихикнул Найденков.

– Дэвид Дойч – это ученый из Оксфорда, – объяснил вошедший в это время в кабинет Александр. Он пообещал съесть свою шляпу, если во время испытаний будет изобретена машина времени, Я вижу, вы тут прошли полный курс по истории БАКа.

– БАК? Господи, а это еще что за зверь такой? – изумилась Арина.

– Да это так сокращенно большой адронный коллайдер называют. Вы же знаете любовь русских к сокращениям, – объяснил Александр. – Ну что, замучила она вас тут? – обратился он уже к Найденкову.

– Да нет, ничего, – ответил тот. – Надеюсь, я смог вам быть полезен, – добавил он, повернувшись к Арине. – Вы извини-

те, я должен идти, у меня скоро совещание начинается. Если у вас есть еще какие-то вопросы, особенно в отношении Андрея Семеновича, то я советую обратиться к его ассистентке – Софье Лагутиной. Она в конце коридора на этом же этаже сидит.

– Хорошая идея, – подтвердил Александр. – Пойдемте, я вас отведу к ней и познакомлю, а потом еще ненадолго отлучусь.

Белов завел Арину в небольшой кабинет, находившийся в конце коридора. Он постучал в дверь, никто не ответил.

– Ничего, заходите, – сказал он Арине. – Она где-то здесь, я ее встретил, когда сюда шел.

– А удобно? – Арине не хотелось оставаться одной в чужом кабинете.

– Ничего страшного, – заверил ее Александр. – Этот кабинет – вроде приемной. Сюда всегда приводят посетителей. А Соня – стажерка, ее сюда временно посадили, да не могут другого места подыскать. Так что вы подождите, а когда она вернется, скажите, что вас Найденов направил. Она сейчас в его подчинении. А я зайду за вами сюда чуть позже.

Белов ушел. Арина огляделась. Комната действительно больше напоминала приемную, чем кабинет. Здесь стоял диван, два кресла и журнальный столик. И лишь у окна, в углу, скромно притулился небольшой письменный стол, на котором стоял компьютер. На стене над письменным столом, висела большая доска, на которой обычно прикрепляют кноп-

ками календари, расписания текущих заседаний и всякую информацию, которую нужно иметь под рукой. На этой доске тоже висели какие-то бумаги, но среди них виднелось что-то разноцветное. Арина подошла поближе и увидела старинные поздравительные открытки – очень занятные и красочные.

– Рассматриваете открытки? – раздался за ее спиной голос.

Арина обернулась.

– Здравствуйте, извините за вторжение, но меня направил к вам Найденов. Вы – Софья Лагутина? – сказала Арина.

– Да, а вы, наверное, Арина Родионова. Меня Белов предупредил, я его по дороге встретила. Садитесь, пожалуйста. Может, чаю хотите или кофе? – спросила девушка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.